

АННА КЭТРИН ГРИН
ДЕЛО ЛИВЕНВОРТА

ИДДК

Ретродетектив (ИДДК)

Анна Грин
Дело Ливенворта

«ИДДК»

1878

Грин А. К.

Дело Ливенворта / А. К. Грин — «ИДДК»,
1878 — (Ретродетектив (ИДДК))

"Дело Ливенворта" – первый роман Анны Кэтрин Грин, опубликованный в 1878 году, имел колоссальный успех. Мистера Ливенворта находят застреленным в собственной библиотеке. Подозрение падает на двух его племянниц, наследующих огромное состояние дядюшки. Но расследование преступления превращается в настоящую головоломку, разгадать которую под силу только сыщику Эбenezеру Грайсу... **ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ. ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ УПОМИНАНИЕ КУРЕНИЯ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ. КУРЕНИЕ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЕ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.**

© Грин А. К., 1878

© ИДДК, 1878

Содержание

Книга 1. Проблема	6
Глава 1. Громкое дело	6
Глава 2. Расследование коронера	10
Глава 3. Факты и выводы	12
Глава 4. Улика	22
Глава 5. Показания эксперта	25
Глава 6. В новом свете	29
Глава 7. Мэри Ливенворт	32
Глава 8. Косвенные доказательства	36
Глава 9. Находка	44
Глава 10. Следствие обретает новый поворот	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Анна Кэтрин Грин Дело Ливенворта

© ИДК

Книга 1. Проблема

Глава 1. Громкое дело

Я был младшим партнером в фирме адвокатов и юридических консультантов «Вили, Карр и Рэймонд» всего около года, когда однажды утром, во время временного отсутствия и мистера Вили, и мистера Карра, в нашей конторе появился молодой человек. Весь его облик, поспешность движений и взволнованное лицо, были столь выразительны, что я невольно поднялся ему навстречу и воскликнул:

– Что-то случилось? Надеюсь, вы не принесли дурных вестей?

– Мне нужно видеть мистера Вили. Он у себя?

– Нет, – я покачал головой, – его сегодня утром внезапно вызвали в Вашингтон, раньше завтрашнего дня не вернется. Но если вы изложите мне свое дело...

– Вам, сэр? – переспросил незнакомец, устремив на меня холодный, испытующий взгляд. Затем, будто бы в чем-то убедившись, продолжил:

– Впрочем, почему бы и нет? Тут нет никакой тайны. Я пришел сообщить, что мистер Ливенворт мертв.

– Мистер Ливенворт! – воскликнул я, отступая на шаг. Этот человек был давним клиентом нашей фирмы и, более того, близким другом мистера Вили.

– Да, он был убит. Выстрелом в голову, – спокойно продолжил молодой человек, – кем – неизвестно. Его нашли сегодня утром в собственной библиотеке, за письменным столом.

– Убит! Застрелен! – я едва мог поверить своим ушам. – Как? Когда?

– Прошлой ночью, как предполагается. Я личный секретарь мистера Ливенворта и проживаю в его доме. Произошедшее стало страшным ударом, – добавил молодой человек, – особенно для дам.

– Ужасно! – повторил я. – Мистер Вили будет потрясен.

– Они остались совсем одни, – продолжил секретарь деловым, почти холодным тоном, который, как я впоследствии узнал, был ему присущ. – Обе мисс Ливенворт, племянницы покойного. Сегодня в доме должно состояться дознание, и сочтено необходимым, чтобы рядом был кто-то, способный в случае чего дать им юридическую консультацию. Так как мистер Вили был лучшим другом их дяди, меня послали за ним. Но, узнав, что его нет, я не знаю, что и делать.

– Я не знаком с этими дамами, – ответил я после короткого раздумья, – но если могу быть им полезен... Я питал глубокое уважение к их дяде...

Я осекся под пристальным взглядом секретаря, который будто стремился прожечь меня насквозь.

– Не знаю, – сказал он наконец, чуть нахмурившись, словно не совсем довольный таким поворотом событий. – Быть может, это и к лучшему. Дам нельзя оставлять одних...

– Не говорите больше ни слова. Я поеду.

И, быстро написав короткую записку для мистера Вили, я сделал необходимые распоряжения и вышел вместе с секретарем.

– А теперь, – произнес я, – расскажите все, что знаете об этом ужасном деле.

– Все, что знаю? – переспросил он. – Не так уж и много. Вчера вечером я оставил мистера Ливенворта сидящим, как обычно, за письменным столом в библиотеке, а утром нашел его в том же положении, однако с пулей в голове – дырка с мизинец толщиной.

– Уже мертвым?

– Именно.

– Ужасно! – воскликнул я. – Но, может быть, это самоубийство?

– Нет. Пистолет, из которого произведен выстрел, не найден.

– Тогда убийство... Но зачем? У мистера Ливенворта не было врагов, он был человеком доброжелательным, а если целью было ограбление...

– Ничего не пропало, – перебил меня молодой человек. – Все на месте. Дело совершенно таинственное.

– Таинственное?

– Совершенно необъяснимое.

Я пристально посмотрел на своего собеседника. Обитатель дома, где совершено загадочное убийство, сам по себе вызывал любопытство, однако его лицо, приятное, хоть и ничем не примечательное, не представляло интереса. Отведя взгляд, я спросил:

– Дамы сильно потрясены?

Несколько шагов спустя секретарь ответил.

– Было бы странно, если бы нет.

И, возможно, дело было в выражении его лица в тот момент, или же в самом характере ответа, но я почувствовал, что, говоря об этих дамах с этим холодным, невозмутимым секретарем покойного мистера Ливенворта, я словно ступаю на опасную почву. А поскольку до меня доходили слухи, что они весьма исключительные женщины, такое открытие меня, мягко говоря, не обрадовало. Потому я с некоторым облегчением заметил подъезжавший по Пятой авеню омнибус.

– Продолжим разговор позже, – кивнул я. – Вот наш экипаж.

Однако, расположившись внутри, мы скоро убедились, что говорить о подобном деле в дороге невозможно. Я погрузился в размышления о мистере Ливенворте. Все, что я о нем знал, сводилось к тому, что он богатый, уважаемый торговец на покое, не имеющий собственных детей и приютивший двух племянниц, одну из которых объявил наследницей. Мне доводилось слышать от мистера Вили о его странностях, в частности – о составленном им завещании в пользу одной племянницы при полном игнорировании другой. Но о его жизни и личных связях я почти ничего не знал.

Когда мы прибыли, у дома убитого уже толпился народ. Я едва успел отметить, что это угловое здание, уходящее вглубь квартала, как меня подхватила толпа и вынесла прямо к широким каменным ступеням. С трудом вырвавшись из рук уличных мальчишек, которые, цепляясь за меня, надеялись проскользнуть внутрь, я поднялся и, заметив рядом секретаря, поспешно позвонил. Дверь тотчас отворилась, и в проеме показалось знакомое лицо городского детектива.

– Мистер Грайс! – воскликнул я.

– Самый что ни на есть, – кивнул он. – Прошу вас, мистер Рэймонд. – И, втянув нас в дом, детектив с улыбкой захлопнул дверь перед разочарованной толпой. – Надеюсь, мое присутствие вас не удивляет, – сказал он, пожимая мне руку и бросив косой взгляд на моего спутника.

– Вовсе нет, – ответил я и, чувствуя, что должен представить своего спутника, добавил: – Это мистер... извините, но я не знаю вашего имени, – обратился я к молодому человеку. – Личный секретарь покойного мистера Ливенворта.

– А, секретарь! – кивнул Грайс. – Коронер уже спрашивал о вас, сэр.

– Коронер здесь? – удивился я.

– Да, – ответил Грайс, – присяжные только что поднялись наверх, чтобы осмотреть тело. Желаете последовать за ними?

– Нет, в этом нет необходимости. Я пришел лишь в надежде быть полезным молодым леди. Мистер Вили не может присутствовать.

– Понимаю, – произнес следователь с легкой усмешкой. – Слишком уж удобный случай, чтобы избежать вида мертвеца, не правда ли? Что ж, весьма благоразумно. Однако, раз уж вы

здесь, а дело, похоже, обещает быть интересным, то полагаю, молодой юрист, стремящийся к успеху, не упустит возможности ознакомиться со всеми его подробностями. Впрочем, поступайте, как сочтете нужным.

Я усилием воли преодолел свое отвращение.

– Хорошо, я пойду.

– Прекрасно. Следуйте за мной.

Но едва я ступил на лестницу, как услышал, что присяжные уже спускаются вниз. Мы с мистером Грайсом отступили в нишу между приемной и гостиной, и я сказал:

– Секретарь утверждает, что это не могло быть делом рук вора.

– В самом деле? – спросил Грайс, задумчиво устремив взгляд на дверную ручку.

– Он сообщил, что ничего не пропало...

– И что все замки и засовы в доме этим утром найдены исправными. Именно так.

– Этого он мне не говорил, – пробормотал я. – В таком случае... – и по моей спине пробежала дрожь, – убийца был в доме всю ночь!

Грайс мрачно усмехнулся.

– Это ужасно! – воскликнул я.

Разрешите отметить, что детектив Грайс вовсе не походил на сухошавого, поджарого человека с пронзительным взглядом, каким его, вероятно, представит себе читатель. Напротив, он был полноват, спокоен и вызывал ощущение уюта и доверия. Его взгляд никогда не пронизывал собеседника, напротив, он редко задерживался на людях вообще. Если его глаза на чем-то и останавливались, то лишь на каком-нибудь несущественном предмете рядом – вазе, чернильнице, книге или пуговице. Казалось, именно с этими вещами мистер Грайс и делился своими мыслями и догадками. А вы могли быть для него столь же далеки, как шпиль Троицкой церкви. Сейчас детектив, как я уже заметил, находился в тесном зрительном контакте с дверной ручкой.

– Ужасно, – повторил я.

Взгляд Грайса плавно переместился на пуговицу на моем рукаве.

– Пойдемте. Путь свободен.

Следователь двинулся вверх по лестнице, но вдруг остановился.

– Мистер Рэймонд, – произнес он, – я не имею привычки откровенничать о тайнах своей профессии, но в этом деле все зависит от того, с чего мы начнем. Нам предстоит иметь дело не с обыкновенным преступлением. Здесь замешан незаурядный ум. Бывает, что неопытный взгляд, свободный от предвзятости, уловит то, чего не заметит самый искушенный сыщик. Если случится подобное, помните, что я с вами заодно. Не распространяйтесь о ваших догадках, а приходите прямо ко мне. Это будет громкое дело, запомните, громкое. А теперь – вперед.

– А леди? – спросил я.

– Они наверху, в своих комнатах. Печальны, разумеется, но, как я слышал, держатся довольно стойко. – С этими словами Грайс открыл дверь и жестом пригласил меня войти.

Некоторое время я ничего не различал в темноте, но вскоре глаза привыкли, и я понял, что мы в библиотеке.

– Здесь его нашли, – произнес Грайс. – В этой самой комнате и на этом самом месте.

Подойдя к большому столу, покрытому зеленым сукном, стоявшему в центре комнаты, он положил руку на его край.

– Видите, прямо напротив этой двери.

Перейдя на другую сторону, он остановился у узкого прохода, ведущего в соседнюю комнату.

– Покойный сидел вот в этом кресле, спиной к проходу, следовательно, убийца должен был войти отсюда, остановиться примерно... здесь.

И Грайс остановился в определенной точке, примерно в футе от порога.

– Но... – начал я.

– Никаких «но», – резко оборвал меня сыщик. – Обстановка изучена досконально. – И, не вдаваясь в объяснения, быстро прошел вперед. – Винный шкаф, платяной шкаф, умывальник, полотенца... – перечислял он, указывая рукой то в одну, то в другую сторону, пока мы не вошли в просторную комнату. – Личные апартаменты мистера Ливенворта.

Здесь, значит, должно быть оно – страшное, омертвевшее оно, которое вчера еще было живым человеком. Я подошел к кровати, занавешенной тяжелыми портьерами, и протянул руку, чтобы отдернуть их, но Грайс мягко отвел мою руку и сам раздвинул занавеси. Лицо, покоившееся на подушке, было холодным и безмятежным, но его пугающе естественное выражение заставило меня вздрогнуть.

– Смерть настигла его слишком внезапно, чтобы исказить черты, – произнес Грайс, повернув голову убитого так, чтобы показать зияющую рану на затылке. – Такая дыра вырывает человека из жизни без предупреждения. Хирург подтвердит, что это не могло быть совершено собственной рукой. Перед нами – хладнокровное убийство.

Я в ужасе отступил, и мой взгляд упал на дверь, расположенную напротив, ведущую, как я понял, в коридор. Это, казалось, был единственный выход из комнаты, не считая того, через который мы вошли. Я невольно подумал: не отсюда ли убийца попал в библиотеку? Грайс, хотя его взгляд по-прежнему был прикован к люстре, проговорил, как будто прочел мои мысли:

– Дверь была найдена запертой изнутри. Возможно, убийца попал в комнату этим путем, а возможно, и нет. Мы не можем утверждать наверняка.

Заметив, что постель была совершенно нетронутой, я спросил:

– Он, значит, так и не успел лечь спать?

– Верно. Трагедия произошла около десяти часов назад. Достаточно времени, чтобы убийца все обдумал и предусмотрел каждую мелочь.

– Убийца? Кого вы подозреваете? – прошептал я.

Грайс невозмутимо посмотрел на кольцо на моем пальце.

– Всех и никого. Мое дело не подозревать, а разоблачать.

И, опустив занавески, он вывел меня из комнаты. В это время заседание коронера уже началось, и мне захотелось присутствовать при нем. Попросив мистера Грайса сообщить девушкам Ливенворт, что мистер Вили отсутствует и я прибыл вместо него, чтобы оказать любую возможную помощь в этот трагичный день, я спустился в большую гостиную и занял место среди присутствующих.

Глава 2. Расследование коронера

Несколько минут я сидел, ослепленный внезапным потоком света, ворвавшимся в комнату из множества распахнутых окон. Постепенно, когда черты окружающего мира начали вырисовываться яснее, я почувствовал странные ощущения, те самые, которые испытал некогда под действием эфира: будто нахожусь сразу в двух мирах, в двух разных реальностях. Так и теперь мой разум раздвоился между двумя несовместимыми картинами: с одной стороны передо мной стоял великолепный дом с его роскошной обстановкой и следами вчерашней безмятежной жизни – раскрытым пианино, нотами на пюпитре, прижатыми дамским веером. С другой же стороны вокруг меня теснилась толпа нетерпеливых незнакомцев, чье присутствие среди этого блеска казалось невыносимым. Возможно, одной из причин этого чувства было необыкновенное великолепие комнаты, где я находился. Блеск атласа, отблески бронзы, мерцание мрамора поражали взор на каждом шагу. Но, думаю, главным источником моего смущения было сильное, почти тревожное впечатление от картины, висевшей на стене напротив. Это было очаровательное, лирическое полотно, вполне достойное кисти самого мечтательного из художников. Простая сцена: юная блондинка с голубыми глазами, в наряде эпохи Первой империи, стоит на лесной тропинке, оглядываясь через плечо на кого-то позади. Но в уголках ее кротких глаз, в едва заметной складке губ таилась легкая насмешка, нечто от кокетства – то самое живое, индивидуальное выражение, что делает картину почти одушевленной. Если бы не глубокое декольте платья, поднятая почти под мышки талия, коротко подстриженные на лбу локоны и безупречная линия шеи и плеч, я принял бы ее за портрет одной из мисс Ливенворт. А может быть, так оно и было. Я не мог избавиться от ощущения, что одна, если не обе племянницы мистера Ливенворта смотрят на меня глазами этой очаровательной блондинки с манящим взглядом. Это воображаемое сходство поразило меня с такой живостью, что я почти содрогнулся, глядя на нее и задаваясь вопросом, не знает ли это милое создание о том, что произошло в этом доме со вчерашнего счастливого дня, и если знает, то как она может стоять здесь, так приветливо улыбаясь.

И вдруг я осознал, что несмотря на уделенное этой картине внимание, я с таким же полным погружением наблюдал и за небольшой группой людей, окружавших меня. Я отметил, что лицо коронера – суровое, пронизательное и сосредоточенное – так же отчетливо запечатлелось в моем сознании, как и этот прекрасный портрет или четкие и благородные черты статуи Психеи, сиявшей мягкой красотой из багряно задрапированного окна по правую руку от него. Да, даже разнообразные лица присяжных, теснившихся передо мной, большей частью обыденные и незначительные, подрагивающие фигуры взволнованной прислуги, скучившейся в дальнем углу, и еще более отталкивающий облик бледнолицего, потрепанного репортера, сидевшего за маленьким столиком и писавшего с какой-то жуткой жадностью, от которой у меня пробегал мороз по коже, – все это, каждое в отдельности, было столь же неотъемлемой частью развернувшейся передо мной странной сцены, как и великолепие обстановки, превращавшее их присутствие в кошмар дисгармонии и призрачной нереальности.

Я уже упомянул коронера. По счастливой случайности он был мне знаком. Я не только видел его прежде, но и нередко беседовал с ним. Его звали Хэммонд, и повсюду он слылся человеком необычайной пронизательности, вполне способным с должным тактом и умением вести важное расследование. Учитывая мою заинтересованность, вернее, ту заинтересованность, которую я, по всей вероятности, должен был проявить в данном деле, я не мог не поздравить себя с удачей, что расследование поручено столь разумному коронеру. Что же касается присяжных, то они, как я уже намекал, мало отличались от любых других представителей подобного рода. Привлеченные наугад с улиц Пятой и Шестой авеню, они являли собой примерно тот же уровень среднего ума и благовоспитанности, какой можно заметить у случайных

пассажиров городских экипажей. По сути, лишь один из них показался мне человеком, действительно заинтересованным в расследовании как таковом. Все же остальные, по-видимому, руководствовались при исполнении своего долга более простыми чувствами – состраданием и негодованием.

Первым свидетелем был вызван известный хирург с Тридцать шестой улицы, доктор Мэйнард. Его показания касались характера раны, обнаруженной на голове убитого мистера Ливенворта. Поскольку некоторые изложенные им обстоятельства, вероятно, окажутся важными для нашего повествования, я приведу краткое изложение его слов.

Начав с краткого рассказа о себе и о том, как один из слуг вызвал его в дом, доктор сообщил, что, прибыв на место, он обнаружил покойного лежащим на кровати в передней комнате второго этажа. Кровь запеклась вокруг раны от пушечного выстрела в затылке, а само тело, по-видимому, было перенесено туда из соседнего помещения спустя несколько часов после смерти. Это была единственная рана, найденная на теле покойного. Пуля находилась в мозгу: войдя у основания черепа, она прошла косо вверх и сразу поразила продолговатый мозг, вызвав мгновенную смерть. Сам способ, каким пуля проникла в мозг, показался доктору заслуживающим особого внимания, поскольку он обуславливал не только мгновенную, но и совершенно безмолвную смерть. Далее было отмечено, что по положению раны и направлению пули было совершенно очевидно, что выстрел не мог быть произведен самим погибшим, даже если бы состояние волос вокруг отверстия само по себе не доказывало, что выстрел был сделан с расстояния примерно в три-четыре фута. Более того, учитывая угол, под которым пуля вошла в череп, становилось ясно, что покойный не только сидел в момент выстрела – факт, не вызывавший никаких сомнений, – но и был занят каким-то делом, заставлявшим его наклонить голову вперед. Ибо, если бы пуля вошла в голову человека, сидящего прямо, под наблюдаемым здесь углом в сорок пять градусов, пистолет пришлось бы держать не только очень низко, но и в весьма необычном положении. Тогда как при наклоненной вперед голове, как, например, во время письма, человек, держащий пистолет естественным образом, со согнутым локтем, мог бы без труда пустить в голову в мозг под именно таким углом.

На вопрос о состоянии здоровья мистера Ливенворта хирург ответил, что покойный был вполне здоровым на момент смерти. Однако, будучи не его лечащим врачом, он не может этого утверждать без дальнейшего обследования. На замечание одного из присяжных доктор добавил, что не видел ни пистолета, ни иного оружия, лежащего на полу или вообще где бы то ни было в обеих упомянутых комнатах. Здесь я могу добавить то, что он сообщил позднее: исходя из расположения стола, стула и двери позади покойного, убийца должен был стоять прямо на пороге узкого прохода, ведущего в соседнюю комнату. Кроме того, поскольку пуля была малого калибра и выпущена из нарезного ствола, а потому особенно подвержена отклонениям при прохождении через кости и ткани, хирургу представлялось очевидным, что жертва не сделала ни малейшей попытки поднять или повернуть голову в момент нападения. Ужасный вывод напрашивался сам собой: походка нападавшего была знакома пострадавшему, а его появление в комнате было либо известно, либо ожидаемо.

Когда показания врача были окончены, коронер поднял пулю, лежавшую перед ним на столе, и некоторое время задумчиво перекачивал ее между пальцами. Затем, вынув из кармана карандаш, он быстро нацарапал несколько строк на клочке бумаги и, позвав к себе полицейского, тихо отдал ему какое-то распоряжение. Полицейский, взяв записку, на мгновение взглянул на нее, затем схватил шляпу и вышел из комнаты. Еще через секунду за ним захлопнулась парадная дверь, а дикий крик толпы мальчишек снаружи возвестил о его появлении на улице. Сидя на своем месте, я хорошо видел угол дома и заметил, как полицейский остановился там, окликнул извозчика, поспешно сел в экипаж и исчез в направлении Бродвея.

Глава 3. Факты и выводы

Переведя взгляд вновь на комнату, где находился, я увидел, что коронер, надев пару весьма внушительных золотых очков, просматривает какие-то записи.

– Здесь есть дворецкий? – спросил он.

В тот же миг из группы слуг, столпившихся в углу, выступил и предстал перед присяжными интеллигентного вида, хотя и несколько самодовольный ирландец.

– Ага, – подумал я, заметив его аккуратные бакенбарды, спокойный взгляд и почтительно-внимательное, но отнюдь не заискивающее выражение лица, – вот образцовый слуга, который, по всей вероятности, окажется и образцовым свидетелем.

И я не ошибся. Дворецкий Томас во всех отношениях был одним из тысячи, и прекрасно это сознавал. Коронер, на которого он, как и на всех присутствующих, произвел столь же благоприятное впечатление, без колебаний приступил к допросу.

– Вас зовут Томас Догерти, если не ошибаюсь?

– Совершенно верно, сэр.

– Сколько времени вы состоите на нынешней службе?

– Пожалуй, года два, сэр.

– Вы тот человек, который первым обнаружил тело мистера Ливенворта?

– Да, сэр, я и мистер Харвелл.

– А кто такой мистер Харвелл?

– Личный секретарь мистера Ливенворта, сэр, тот, кто вел его переписку.

– Хорошо. В какое время дня или ночи вы сделали это открытие?

– Рано, сэр. Сегодня утром, около восьми.

– И где именно?

– В библиотеке, сэр, примыкающей к спальне мистера Ливенворта. Мы взломали дверь, так как тревожились из-за того, что он не вышел к завтраку.

– Вы взломали дверь? Значит, она была заперта?

– Да, сэр.

– Изнутри?

– Этого я сказать не могу, ключа в замке не было.

– В каком положении находился мистер Ливенворт, когда вы его впервые увидели?

– Он не лежал, сэр. Он сидел за большим столом посреди комнаты, спиной к двери спальни, наклонившись вперед и опершись головой на руки.

– Как он был одет?

– В вечерний костюм, сэр, в том самом виде, в каком он вышел из-за стола накануне.

– Были ли в комнате какие-нибудь следы борьбы?

– Нет, сэр.

– Было ли на полу или на столе какое-либо оружие?

– Нет, сэр.

– Появились ли у вас основания предполагать попытку грабежа?

– Нет, сэр. Часы и кошелек мистера Ливенворта находились при нем, в карманах.

На вопрос о том, кто находился в доме в момент обнаружения тела, он ответил:

– Молодые леди – мисс Мэри Ливенворт и мисс Элеонора, мистер Харвелл, кухарка Кейт, горничная Молли и я сам.

– Обычный состав домочадцев?

– Да, сэр.

– Теперь скажите, на ком лежит обязанность запираеть дом на ночь.

– На мне, сэр.

- Вы заперли его вчера, как обычно?
- Да, сэр.
- А кто отпер его сегодня утром?
- Я, сэр.
- В каком виде были двери и окна?
- В точности в таком, в каком я их и оставил.
- То есть ни одно окно не было открыто и ни одна дверь не была отперта?
- Нет, сэр.

К этому времени в комнате воцарилась такая тишина, что, казалось, можно было услышать падение булавки. Уверенность в том, что убийца – кем бы он ни был – не покидал дом, по крайней мере до тех пор, пока его не открыли утром, тяготела над умами всех присутствующих. Хоть я и был заранее осведомлен об этом обстоятельстве, а не мог не испытать волнения, услышав его столь ясно сформулированным. Повернувшись так, чтобы видеть лицо дворецкого, я стал всматриваться в него, пытаюсь уловить какой-нибудь скрытый признак того, что столь уверенные слова были сказаны лишь для прикрытия собственной небрежности. Но его облик оставался откровенным и спокойным и стойко выдерживал все сосредоточенные взгляды в комнате.

На вопрос, когда он в последний раз видел мистера Ливенворта живым, дворецкий ответил:

- Вчера за ужином.
- Однако кто-то из вас видел его и позднее?
- Да, сэр. Мистер Харвелл говорит, что видел его около половины одиннадцатого вечера.
- В какой комнате вы спите?
- В небольшой, на цокольном этаже, сэр.
- А где ночуют остальные члены дома?
- В основном на третьем этаже, сэр. Дамы – в больших задних комнатах, а мистер Харвелл – в маленькой передней. Девушки-служанки спят еще выше.
- Значит, на одном этаже с мистером Ливенвортом никого не было?
- Нет, сэр.
- В котором часу вы легли спать?
- Думаю, около одиннадцати.
- Слышали ли вы в доме какой-нибудь шум до или после этого времени?
- Нет, сэр.
- Стало быть, сегодняшнее открытие было для вас полной неожиданностью?
- Да, сэр.

Когда дворецкого попросили дать более подробный отчет об обстоятельствах этого открытия, то он сообщил, что до тех пор, пока мистер Ливенворт не явился к завтраку после звонка колокольчика, в доме и не возникало подозрений, что произошло что-то неладное. Даже тогда они некоторое время выжидали, прежде чем предпринимать какие-либо действия. Однако минуты шли одна за другой, а мистер Ливенворт все не появлялся, и мисс Элеонора встревожилась. Наконец она вышла из комнаты, где подавали завтрак, сказав, что пойдет посмотреть, в чем дело, однако вскоре вернулась в сильном испуге, сообщив, что стучала в дверь дяди и даже звала его, но ответа не получила. Тогда сам дворецкий и мистер Харвелл поднялись вверх, вместе попробовали открыть обе двери библиотеки и, обнаружив, что они заперты, взломали одну из них, где и нашли мистера Ливенворта – как он уже и говорил, сидящим за столом, мертвым.

- А дамы?
- О, они последовали за нами и вошли в комнату, и мисс Элеонора лишилась чувств.
- А другая – мисс Мэри, кажется, так ее зовут?

– Я не помню. Я был так занят тем, что носил воду, приводя в чувство мисс Элеонору, что не обращал внимания, что происходило со второй леди.

– Хорошо. А через какое время мистера Ливенворта перенесли в соседнюю комнату?

– Почти сразу же, сэр, как только мисс Элеонора пришла в себя, а это случилось едва вода коснулась ее губ.

– Кто предложил перенести тело?

– Она, сэр. Как только мисс Элеонора встала, то подошла к нему и, взглянув, содрогнулась, а затем, позвав меня и мистера Харвелла, велела перенести тело мистера Ливенворта и положить на кровать, а также послать за доктором – что мы и сделали.

– Подождите, леди пошла с вами, когда вы направились в другую комнату?

– Нет, сэр.

– Что же она делала?

– Осталась у стола в библиотеке.

– Чем была занята?

– Не могу сказать, она стояла ко мне спиной.

– Как долго мисс Элеонора там оставалась?

– Когда мы вернулись, ее там уже не было.

– Не было у стола?

– Вообще в комнате.

– Хм! А когда вы увидели мисс Элеонору снова?

– Почти сразу. Она вошла в библиотеку, когда мы выходили.

– Было ли что-нибудь у нее в руках?

– Не обратил внимания, сэр.

– Вы не заметили, исчезло ли что-нибудь со стола?

– Мне и в голову не пришло посмотреть, сэр. Стол меня не интересовал. Я думал лишь о том, чтобы поскорее привести доктора, хотя и понимал, что это бесполезно.

– Кто остался в комнате, когда вы покинули ее?

– Кухарка Молли, сэр, и мисс Элеонора.

– Но не мисс Мэри?

– Нет, сэр.

– Хорошо. Есть ли у присяжных вопросы к этому человеку?

В тот же миг почтенная коллегия оживилась.

– Я хотел бы задать парочку, – воскликнул худощавый, суетливый человечек с изможденным лицом, которого я прежде уже замечал беспокойно ерзающим на месте, словно с трудом сдерживавшим сильное, но до сих пор подавляемое желание вмешаться в ход слушания.

– Пожалуйста, сэр, – ответил Томас.

Но присяжный замешкался, переводя дух, и крупный, явно самодовольный мужчина, сидевший по правую руку от него, воспользовался этим и заговорил властным голосом, словно требуя внимания:

– Вы говорите, что служите в этом доме уже два года. Можно ли сказать, что это была, так сказать, дружная семья?

– Дружная?

– Ну, любящая, в хороших отношениях друг с другом. – И присяжный приподнял длинную, тяжелую цепочку от часов, свисавшую поперек его жилета, словно и она, наряду с ее владельцем, имела право на обстоятельный и взвешенный ответ.

Дворецкий, возможно, поддавшись впечатлению от его манер, тревожно оглянулся вокруг.

– Да, сэр, насколько мне известно.

– Молодые леди были привязаны к своему дяде?

– О да, сэр.

– И друг к другу?

– Ну... да, полагаю. Мне не пристало судить.

– Вы полагаете. Есть ли у вас причины думать иначе? – И он обвинил цепочку вокруг пальцев, словно желая удвоить и ее внимание, и свое собственное.

Томас на мгновение заколебался. Но как раз в ту минуту, когда собеседник собирался повторить вопрос, он выпрямился, приняв официальную позу, и ответил:

– Нет, сэр.

Присяжный, при всей своей самоуверенности, по-видимому, уважил сдержанность слуги, отказавшегося высказывать мнение по столь деликатному вопросу, и, удовлетворенно откинувшись назад, жестом дал понять, что больше вопросов не имеет. Тут же упомянутый ранее взволнованный человечек подался вперед, к самому краю стула, и на этот раз без малейшего колебания спросил:

– В котором часу вы отперли дом сегодня утром?

– Около шести, сэр.

– А теперь скажите, мог ли кто-нибудь покинуть дом после этого времени без вашего ведома?

Томас бросил несколько тревожный взгляд на своих товарищей по службе, однако ответил сразу и, по-видимому, без всякого утаивания:

– Я не думаю, сэр, чтобы кто-нибудь мог покинуть этот дом после шести утра, так чтобы об этом не узнал либо я, либо кухарка. Люди ведь не выпрыгивают из окон второго этажа при ясном дневном свете. Что касается дверей, то парадная хлопает с таким грохотом, что ее слышно по всему дому сверху донизу. Задняя дверь – так никто, выйдя через нее, не сможет покинуть двор, не пройдя мимо кухонного окна, мимо которого сложно проскользнуть так, чтобы кухарка его не заметила, – за это я могу ручаться.

Этот ответ, по самому своему характеру способный углубить мрачные предчувствия, уже овладевшие умами присутствующих, произвел заметное впечатление. Дом был заперт, и никто не видел, чтобы его кто-либо покидал! Следовательно, убийца был совсем недалеко.

Присяжный, задавший вопрос, поерзав на стуле с еще большим, если можно так выразиться, рвением, внимательно огляделся вокруг. Однако, заметив возросший интерес на лицах окружающих, он не решился ослабить впечатление, произведенное последним показанием, какими-либо дальнейшими вопросами. Удобно откинувшись назад, этот джентльмен тем самым предоставил слово любому из тех, кто бы пожелал продолжить допрос. Но поскольку желающих не нашлось, Томас, в свою очередь, начал проявлять нетерпение и, наконец, почти-точно оглянувшись, спросил:

– Не желает ли еще кто-нибудь из господ задать мне вопрос?

Ответа не последовало. Дворецкий с явным облегчением бросил быстрый взгляд на стоявших рядом слуг и затем, к изумлению всех, кто заметил внезапную перемену в его лице, удалился с очевидным удовлетворением и поспешностью, причины которых я в ту минуту не мог никак объяснить. Однако, следующим свидетелем оказался не кто иной, как мой утренний знакомый, мистер Харвелл, и я вскоре забыл и о Томасе, и о сомнениях, которые пробудило его выражение лица, из-за интереса, который обещал допрос такой важной персоны, как секретарь и правая рука мистера Ливенворта.

Продвигаясь вперед со спокойным и решительным видом человека, сознающего, что от его слов может зависеть жизнь и смерть, мистер Харвелл занял свое место перед присяжными. Он держался так авторитетно, что мог расположить к себе кого угодно из присутствующих, что для меня, не слишком довольного им при нашей первой встрече, это стало поистине достойным удивления и похвалы. Не обладая, как я уже сказал, какими-либо отличительными чертами лица или телосложением, приятными или отталкивающими, секретарь был тем, кого по внеш-

ности можно было бы назвать человеком пессимистичным, с бледными правильными чертами лица, темными, хорошо приглаженными волосами и простыми бакенбардами, присущими всем заурядным личностям. Однако, в осанке молодого человека чувствовалось определенное самообладание, которое во многом компенсировало недостаток выразительности в его облике. В самом деле, в этом человеке не было ничего примечательного, как и в тысяче других, которых вы ежедневно встречаете на Бродвее, если не считать сосредоточенности и серьезности, которые пронизывали всю его фигуру. Серьезности, которая в тот момент, быть может, и не бросилась бы в глаза, если бы не казалась постоянным, привычным выражением лица человека, успевшего за свою недолгую жизнь увидеть больше горя, чем радости, испытать меньше удовольствий, чем забот и тревог.

Коронер, для которого внешность свидетеля, по-видимому, не имела никакого значения, без промедлений обратился к нему:

– Ваше имя?

– Джеймс Трумен Харвелл.

– Род занятий?

– В течение последних восьми месяцев я занимал должность личного секретаря и помощника мистера Ливенворта.

– Вы ведь тот человек, который последним видел мистера Ливенворта живым, не так ли?

Молодой человек вскинул голову так надменно, что его лицо практически полностью преобразилось.

– Конечно, нет, поскольку я не тот человек, который его убил.

Этот ответ, вносящий нечто вроде легкомыслия или шутовщины в допрос, серьезность которого мы все уже начинали осознавать, вызвал мгновенную враждебность присутствующих к человеку, способному при уже открывшихся и еще предстоящих к раскрытию фактах этого дела так легко прибегнуть к подобной интонации. По комнате пробежал гул неодобрения, и этим единственным замечанием Джеймс Харвелл утратил всю поддержку, которую прежде приобрел своей сдержанной осанкой и твердым взглядом. Он, по-видимому, и сам это понял, ибо поднял голову еще выше.

– Я имел в виду, – воскликнул коронер, явно раздраженный тем, что молодой человек сделал подобный комментарий, – что вы были последним, кто видел мистера Ливенворта до того, как он был убит неустановленным лицом.

Секретарь скрестил руки на груди, скрывая ли тем самым охватившую его дрожь или просто выигрывая мгновение для раздумья – я тогда не мог определить.

– Сэр, – ответил он наконец, – я не могу ответить на этот вопрос ни «да», ни «нет». Весьма вероятно, что я был последним, кто видел его в добром здравии и расположении духа. Однако в доме таких размеров нельзя быть уверенным даже в столь простом обстоятельстве.

Заметив неудовлетворенное выражение на лицах присутствующих, молодой человек медленно добавил:

– Моя служба требует поздних встреч с мистером Ливенвортом.

– Ваша служба? Как его секретаря, разумеется?

Он серьезно кивнул.

– Мистер Харвелл, – продолжил коронер, – должность личного секретаря в нашей стране не является обычной. Объясните, пожалуйста, в чем заключались ваши обязанности на этом посту. Иначе говоря, зачем мистеру Ливенворту был нужен такой помощник и как он вас использовал.

– С удовольствием. Мистер Ливенорт был, как вам, возможно, известно, человеком с огромным состоянием. Связанный с различными обществами, клубами, учреждениями и тому подобным, а также широко известный своей щедростью, он ежедневно получал множество писем, как с просьбами, так и иного характера, которые входило в мои обязанности вскрывать и

отвечать на них. Его личная корреспонденция всегда имела особую отметку, отличавшую ее от прочей. Но этим мои обязанности не исчерпывались. В молодые годы мистер Ливенворт занимался чайной торговлей и совершил не одно путешествие в Китай, вследствие чего был глубоко заинтересован вопросом международного сообщения между этой страной и нашей. Считая, что в ходе своих поездок он узнал многое, что, будь оно известно американскому обществу, способствовало бы лучшему пониманию этой нации, ее особенностей и наилучших способов взаимодействия с ней, он уже некоторое время работал над книгой на эту тему. Моей задачей в течение последних восьми месяцев было помогать ему в ее подготовке, записывая под его диктовку по три часа каждый день. Последний час обычно приходился на вечер, приблизительно с половины десятого до половины одиннадцатого, ибо мистер Ливенворт был человеком чрезвычайно методичным и привык упорядочивать свою жизнь и жизнь окружающих с почти математической точностью.

– Вы говорите, что по вечерам обычно писали под его диктовку. Занимались ли вы этим, как обычно, и вчера вечером?

– Да, сэр.

– Что вы можете сказать о поведении и внешнем виде мистера Ливенворта в то время? Было ли в них что-нибудь необычное?

По лбу секретаря пробежала тень.

– Если он, по всей вероятности, не предчувствовал своей гибели, с какой стати что-либо должно было измениться?

Это дало коронеру возможность отплатить за предшествующие комментарии, и он довольно сурово заметил:

– Обязанность свидетеля – отвечать на вопросы, а не задавать их.

Секретарь покраснел, и счет, можно сказать, сравнялся.

– В таком случае, сэр, – продолжил он, – если мистер Ливенворт и испытывал какие-либо предчувствия, он ими со мной не поделился. Напротив, он казался даже более поглощенным своей работой, чем обычно. Одними из последних его слов ко мне были: «Через месяц мы отправим эту книгу в печать, не так ли, Трумен?» Я особенно хорошо это запомнил, потому что в ту минуту он наполнял свой бокал вином. Мистер Ливенворт всегда выпивал один бокал вина перед сном, и в мои обязанности входило в последний раз, перед тем как оставить его, принести из шкафа графин с хересом. Я уже стоял, держась рукой за ручку двери, ведущей в коридор, но, услышав эти слова, подошел ближе и ответил: «Я очень на это надеюсь, мистер Ливенворт». «Тогда присоединяйтесь ко мне и выпейте бокал хереса», – сказал он, жестом предложив мне достать еще один бокал из шкафа. Я так и сделал, и он сам налил мне вина. Я не особенно люблю херес, но случай был приятный, и я осушил бокал до дна. Помню, мне даже стало немного неловко, потому что мистер Ливенворт поставил свой бокал, не допив наполовину. В таком же виде – наполовину полным – мы нашли его сегодня утром.

Как молодой человек ни старался, будучи человеком сдержанным, владеть собой, здесь его, по-видимому, захлестнул ужас первого потрясения. Достав платок, он вытер лоб.

– Господа, это было последнее действие мистера Ливенворта, которое я когда-либо видел. Когда он поставил бокал на стол, я пожелал ему спокойной ночи и вышел из комнаты.

Коронер, с присущей ему невосприимчивостью к любым проявлениям чувств, откинулся назад и окинул молодого человека испытующим взглядом.

– И куда вы направились затем?

– В свою комнату.

– Вы встретили кого-нибудь по дороге?

– Нет, сэр.

– Слышали или видели что-нибудь необычное?

Голос секретаря чуть понизился.

– Нет, сэ.

– Мистер Харвелл, подумайте еще раз. Готовы ли вы поклясться, что вы никого не встретили, ничего не слышали и не заметили ничего, что до сих пор удерживалось бы в вашей памяти как необычное?

Лицо секретаря приняло встревоженное выражение. Дважды он открывал рот, чтобы заговорить, и дважды закрывал его, так и не произнеся ни слова. Наконец, собравшись с силами, он сказал:

– Я видел одну вещь – пустяк, слишком незначительный, чтобы упоминать о нем, – но все же это было необычно. Когда вы заговорили об этом, я невольно вспомнил эту деталь.

– Какую именно?

– Всего лишь приоткрытую дверь.

– Чью дверь?

– Мисс Элеоноры Ливенворт. – Теперь его голос опустился практически до шепота.

– Где вы находились, когда это заметили?

– Точно сказать не могу. Вероятно, у двери своей комнаты, так как я нигде не останавливался. Если бы не это страшное событие, я бы никогда больше об этом не вспомнил.

– Войдя к себе, вы заперли дверь?

– Да, сэ.

– Как скоро вы легли в постель?

– Сразу же.

– И до того, как вы заснули, вы ничего не слышали?

Снова та же неопределимая заминка.

– Почти ничего.

– Ни шагов в коридоре?

– Возможно, я слышал шаги.

– Вы слышали их?

– Я не могу поклясться, что слышал.

– Как вам кажется, слышали?

– Да, кажется, слышал. Если говорить всю правду, то я помню, что как раз в тот момент, когда начинал дремать, услышал в коридоре какой-то шорох и шаги, но это не произвело на меня никакого особого впечатления, и я уснул.

– А дальше?

– Спустя некоторое время я внезапно проснулся, словно что-то меня встревожило, но что именно – шум или движение – сказать не могу. Помню, что приподнялся в постели и огляделся. Однако, не услышав больше ничего, я вскоре вновь поддался одолевавшей меня сонливости и крепко заснул. До утра я больше не просыпался.

На просьбу рассказать, как и когда ему стало известно об убийстве, мистер Харвелл во всех подробностях подтвердил рассказ, ранее поведанный дворецким. Эта тема была исчерпана, и коронер перешел к вопросу о том, обратил ли секретарь внимание на состояние стола в библиотеке после того, как тело было перенесено.

– Отчасти, да, сэ.

– Что на нем находилось?

– Обычные предметы: книги, бумаги, перо с засохшими чернилами, а также графин и бокал, из которого пил мистер Ливенворт накануне вечером.

– И больше ничего?

– Больше ничего не припоминаю.

– Что касается графина и бокала, – вмешался присяжный с часами и цепочкой, – не говорили ли вы, что последний был найден в том же виде, в каком вы видели его, когда оставляли мистера Ливенворта сидящим в библиотеке?

– Да, сэр.

– А между тем он имел обыкновение выпивать полный бокал?

– Да, сэр.

– Следовательно, почти сразу после вашего ухода должно было произойти какое-то вмешательство, мистер Харвелл.

На лице молодого человека внезапно проступила холодная, синеватая бледность. Он вздрогнул и на мгновение выглядел так, словно его поразила какая-то ужасная мысль.

– Это не следует из сказанного, сэр, – с трудом выговорил секретарь. – Мистер Ливенворт мог бы... – но внезапно умолк, как будто был слишком потрясен, чтобы продолжать.

– Продолжайте, мистер Харвелл, мы вас слушаем.

– Мне нечего добавить, – ответил он глухо, словно борясь с сильным волнением.

Поскольку молодой человек не отвечал на вопрос, а лишь добровольно пытался дать объяснение, коронер оставил это без внимания. Однако я заметил, как не одна пара глаз с подозрением скользнула из стороны в сторону, словно многие почувствовали, что в этом волнении содержится некая загадка. Коронер же, по своей привычке легко игнорируя и эмоции, и общее возбуждение, которое они вызвали, продолжил:

– Находился ли ключ от библиотеки на своем месте, когда вы покинули комнату прошлой ночью?

– Не знаю, сэр, я не обратил внимания.

– Следовательно, следует предположить, что он был там?

– Полагаю, да.

– Во всяком случае, утром дверь оказалась запертой, а ключ исчез?

– Да, сэр.

– Значит, тот, кто совершил убийство, выходя, запер дверь и унес с собой ключ?

– По-видимому, так.

Коронер повернулся к присяжным с серьезным выражением лица.

– Господа, – сказал он, – вокруг этого ключа, по-видимому, существует тайна, которую необходимо раскрыть.

В ту же минуту по комнате прокатился общий одобрительный ропот. Один из присяжных вскочил и предложил немедленно начать поиски, но коронер, обратив на него взгляд, который я бы назвал усмиряющим, постановил, что дознание должно продолжаться обычным порядком, пока не будут выслушаны все устные показания.

– Тогда позвольте задать еще один вопрос, – вновь вызвался неугомонный присяжный. – Мистер Харвелл, нам сказали, что после взлома двери библиотеки сегодня утром две племянницы мистера Ливенворта последовали за вами в комнату.

– Одна из них, сэр, мисс Элеонора.

– Мисс Элеонора – это та самая, которую называют единственной наследницей мистера Ливенворта? – вмешался коронер.

– Нет, сэр, это мисс Мэри.

– Именно мисс Элеонора, – продолжил присяжный, – распорядилась перенести тело в соседнюю комнату?

– Да, сэр.

– И вы подчинились этому распоряжению, помогая перенести его?

– Да, сэр.

– Так вот, проходя через комнаты, заметили ли вы что-нибудь, что навело бы вас на подозрение относительно убийцы?

Секретарь покачал головой.

– У меня нет никаких подозрений, – твердо сказал он.

Почему-то я ему не поверил. Не знаю, был ли тому причиной его тон, или то, как он судорожно сжал рукой рукав – а руки нередко выдают больше, чем лицо, – но я почувствовал, что на этого человека нельзя положиться в подобном утверждении.

– Я хотел бы задать мистеру Харвеллу один вопрос, – сказал присяжный, который до сих пор не принимал участия в допросе. – Мы выслушали подробное описание того, что выглядит как обнаружение убитого человека. Но убийство никогда не совершается без мотива. Известно ли секретарю, был ли у мистера Ливенворта какой-нибудь тайный враг?

– Мне об этом неизвестно.

– Все в доме, по-видимому, находились с ним в добрых отношениях?

– Да, сэр, – ответил молодой человек, однако в этом утверждении прозвучала едва уловимая нотка несогласия.

– Между ним и кем-либо из домочадцев не было разногласий, насколько вам известно?

– Я не готов так сказать, – ответил он с явным смятением. – Разногласия – вещь очень тонкая. Возможно, они были...

– Между ним и кем именно?

Долгая пауза.

– С одной из его племянниц, сэр.

– С какой именно?

Молодой человек снова вызывающе вскинул подбородок.

– С мисс Элеонорой Ливенворт.

– Как давно эти разногласия стали заметны?

– Не могу сказать.

– Причина вам неизвестна?

– Нет, сэр.

– И степень этого чувства – тоже?

– Нет, сэр.

– Вы вскрываете письма мистера Ливенворта?

– Да.

– Не было ли в его переписке в последнее время чего-либо, что могло бы пролить свет на это преступление?

Казалось, секретарь никогда не ответит. Размышлял ли он над ответом или же окаменел – невозможно было понять.

– Мистер Харвелл, вы слышали вопрос присяжного? – осведомился коронер.

– Да, сэр. Я думал.

– В таком случае отвечайте.

– Сэр, – сказал он, обернувшись и глядя присяжному прямо в лицо, при этом открыв моему взгляду свою незащищенную левую руку, – в течение последних двух недель я, как обычно, вскрывал письма мистера Ливенворта и не могу припомнить в них ничего, что имело бы хотя бы отдаленное отношение к этой трагедии.

Он лгал, и я понял это мгновенно. Судорожно сжатая рука, на миг колеблющаяся, а затем словно решившаяся довести ложь до конца, раскрыла мне все.

– Мистер Харвелл, – заметил коронер, – это, несомненно, соответствует вашему убеждению. Однако, переписка мистера Ливенворта все равно подлежит тщательному просмотру.

– Разумеется, – ответил секретарь небрежно. – Это вполне справедливо.

На этом допрос мистера Харвелла был на время завершен. Когда он сел, я отметил для себя четыре обстоятельства. Во-первых, сам мистер Харвелл по не названной им причине сознавал существование подозрения, которое стремился подавить даже в собственном сознании. Во-вторых, к этому подозрению каким-то образом была причастна женщина, поскольку он слышал не только шаги, но и шорох на лестнице. В-третьих, в дом поступило письмо, кото-

рое, будь оно найдено, могло бы пролить свет на происходящее. И, наконец, имя Элеоноры Ливенворт с трудом сходило с его губ. Этот, по-видимому, черствый человек всякий раз выдавал заметное волнение, когда ему приходилось его произносить.

Глава 4. Улика

Когда была вызвана кухарка дома, дородная, румяная особа поспешно выступила вперед, и на ее добродушном лице отразилось такое смешение усердия и тревоги, что ни одному из присутствующих стоило немалых усилий удержаться от улыбки. Заметив это и приняв за комплимент – ибо она была женщиной не менее, чем кухаркой, – она тотчас присела в реверансе и, приоткрыв рот, уже готова была заговорить, как вдруг коронер, нетерпеливо приподнявшись на своем месте, резко перебил ее:

– Ваше имя?

– Кэтрин Мэлоун, сэр.

– Ну что ж, Кэтрин, как давно вы служите у господина Ливенворта?

– Уж добрый год миновал, сэр, с той поры, как я, по рекомендации миссис Уилсон, пришла к самой этой парадной двери, и...

– Оставим дверь. Скажите лучше, почему вы ушли от этой миссис Уилсон?

– Так это ж она меня оставила, когда в тот самый день, как я по ее рекомендации пришла к этой самой парадной двери, она уплыла в Старый Свет...

– Ну-ну, это не важно. Значит, вы служите в семье мистера Ливенворта год?

– Да, сэр.

– И были довольны? Считали его хорошим хозяином?

– Ох, сэр, лучше уж хозяина мне и не встречалось, чтоб злодею тому пусто было, что его убил. Такой он был щедрый да добрый, сэр, что не раз я говаривала Ханне...

Тут она вдруг оборвала себя, с комически-испуганным всхлипом оглядываясь на других слуг, точно человек, по неосторожности проговорившийся. Коронер, заметив это, поспешно спросил:

– Ханне? Кто такая Ханна?

Кухарка, старательно придавая своему округлому лицу вид безразличия, смело воскликнула:

– Она уж? Да так, горничная при дамах, сэр.

– Но я не вижу здесь никого, подходящего под это описание.

– Вы не упоминали никого по имени Ханна среди домочадцев, – сказал он, обернувшись к дворецкому Томасу.

– Нет, сэр, – ответил тот с поклоном и покосился на краснощекую кухарку. – Вы спрашивали меня, кто находился в доме в момент обнаружения убийства, и я вам ответил.

– А-а, – протянул коронер с иронией, – вижу, к полицейским судам вы привычны.

И, вновь обратившись к кухарке, которая все это время с тревогой водила глазами по комнате, он спросил:

– Так, где же эта Ханна?

– Ее тут нет уж, сэр.

– Как давно?

Кухарка судорожно перевела дыхание.

– С прошлой ночи.

– В котором часу прошлой ночи она ушла?

– Клянусь, сэр, не знаю. Я ничего не знаю об этом.

– Ее уволили?

– Не по моей части знать уж, ее вещи здесь.

– Ах, вещи здесь. А когда вы заметили ее отсутствие?

– Я не замечала. Вчера ночью она была здесь, а сегодня утром – нет, вот я и говорю, что ушла.

– Хм! – произнес коронер, медленно окинув взглядом комнату, тогда как все присутствующие выглядели так, словно в глухой стене внезапно распахнулась дверь.

– Где спала эта девушка?

Кухарка, до того мявшая в беспокойстве передник, подняла голову.

– Мы все спим наверху, сэр.

– В одной комнате?

– Да, сэр.

– Она была в комнате вчера вечером?

– Да, сэр.

– В каком часу?

– Было уж десять часов, когда мы все были в комнате, я слышала, как часы били.

– Вы заметили в ее внешнем виде что-нибудь необычное?

– У нее зуб болел, сэр.

– Ах, зуб болел. Ну и что дальше? Расскажите все, что она делала.

Но тут кухарка разрыдалась и заголосила:

– Ничего она не делала, сэр. Это не она, сэр... Ничего не сделала уж, не верьте такому. Ханна – хорошая девушка, честная, сэр, каких поискать. Я готова поклясться на Святом Писании, что она и пальцем не тронула замок двери хозяина. С чего бы ей? Она только вниз сходила к мисс Элеоноре за каплями от зубной боли, лицо у нее так ужасно ныло, и, о сэр...

– Полно, полно, – перебил ее коронер. – Я не обвиняю Ханну ни в чем. Я лишь спросил, что она делала после того, как пришла в вашу комнату. Вы говорите, она спускалась вниз. Как скоро после того, как вы поднялись?

– Правда уж, сэр, не могу сказать, но Молли говорит...

– Не важно, что говорит Молли. Вы видели, как она спускалась?

– Нет, сэр.

– Видели, как она вернулась?

– Нет, сэр.

– Видели ее сегодня утром?

– Нет, сэр, как же мне было видеть, коли она ушла?

– Но вчера вечером вы заметили, что она страдала от зубной боли?

– Да, сэр.

– Очень хорошо. Теперь расскажите, как и когда вы впервые узнали о смерти мистера Ливенворта.

Однако ответы кухарки на этот вопрос, при всей их избыточной многословности, почти не содержали полезных сведений, и коронер уже был готов отпустить свидетельницу, когда один из присяжных, вспомнив ее прежнее признание – что она видела мисс Элеонору, выходящую из библиотеки через несколько минут после того, как тело мистера Ливенворта перенесли в соседнюю комнату, – спросил, не было ли у ее хозяйки чего-нибудь в руках.

– Не знаю, сэр. Верите ли! – внезапно воскликнула кухарка. – Кажется, было. Да, теперь вспоминаю: у нее был листок бумаги. Я видела, как она положила его в карман.

Следующей свидетельницей стала Молли, горничная с верхнего этажа.

Молли О’Фланаган, как она себя назвала, была румяной, черноволосой, бойкой девушкой лет восемнадцати, которая при обычных обстоятельствах без труда ответила бы с надлежавшей живостью на любой вопрос, заданный ей. Но страх порой способен сокрушить и самое крепкое сердце. И Молли, оказавшись теперь перед коронером, выглядела совсем не беспечно: ее природный румянец побледнел при первом же обращенном к ней слове, а голова упала ей на грудь в смятении столь неподдельном, что его невозможно было ни скрыть, ни неверно истолковать. Поскольку ее показания главным образом касались Ханны – того, что она знала о ней и о ее загадочном исчезновении, – я ограничусь кратким изложением сказанного.

Насколько было известно Молли, Ханна была именно тем, за кого себя выдавала: необразованной ирландкой, приехавшей из деревни, чтобы служить горничной и швеей при двух леди Ливенворт. Она служила в доме уже некоторое время, еще до появления самой Молли, и, хотя по натуре была необычайно замкнутой и отказывалась рассказывать что-либо о себе или о своем прошлом, ей все же удалось стать всеобщей любимицей. Впрочем, характер у нее был меланхоличный, склонный к задумчивости. По ночам она часто вставала и сидела в темноте, предаваясь раздумьям. «Точно какая-нибудь барышня!» – с возмущением добавила Молли. Поскольку такая привычка казалась странной для девушки ее положения, у свидетельницы попытались выведать более подробные сведения. Но Молли, тряхнув головой, ограничилась повторением одного и того же: Ханна вставала по ночам и сидела у окна – и больше она ничего об этом не знает. Отвлеченная от этой темы, во время обсуждения которой в ней вновь проявилась некоторая резкость характера, Молли перешла к событиям минувшей ночи. Ханна, по ее словам, уже два дня или больше страдала от опухшей щеки, а после того, как они накануне вечером поднялись наверх, боль так усилилась, что Ханна встала с постели и оделась. Здесь Молли подвергли тщательному допросу, но она настаивала на том, что Ханна полностью оделась, вплоть до того, что привела в порядок воротничок и ленту, затем зажгла свечу и объявила о своем намерении спуститься вниз к Элеоноре Ливенворт за помощью.

– Почему именно к мисс Элеоноре? – спросил один из присяжных.

– Потому что она всегда раздает слугам лекарства и всякое такое.

Побуждаемая продолжать, Молли заявила, что рассказала все, что знала. Ханна не вернулась к завтраку и в последствии в доме ее так и не нашли.

– Вы говорите, она взяла с собой свечу, – сказал коронер. – Она была в подсвечнике?

– Нет, сэр, просто так, без подсвечника.

– Зачем ей была свеча? Разве в коридорах мистера Ливенворта не горит газ?

– Так и есть, сэр, но мы гасим газ, поднимаясь наверх, а Ханна боится темноты.

– Если она взяла свечу, значит, та должна лежать где-нибудь в доме. Кто-нибудь видел бесхозную свечу?

– Не знаю, сэр.

– А это не она? – раздался голос у меня за спиной.

Это был мистер Грайс, и он поднял так, чтобы всем было видно, наполовину сторевшую парафиновую свечу.

– Да, сэр! Господи, где вы ее нашли?

– В траве, во дворе, – спокойно ответил тот, – примерно на полпути к кухонной двери.

Сенсация. Наконец-то – улика! Было найдено нечто, что, казалось, связано с загадочным убийством. В одно мгновение задняя дверь стала главным объектом внимания. Свеча, найденная во дворе, служила доказательством не только того, что Ханна вскоре после того, как спустилась из своей комнаты и покинула дом, но и того, что она вышла через заднюю дверь, находившуюся, как мы теперь вспомнили, всего в нескольких шагах от железной калитки, ведущей на боковую улицу. Но Томас, вновь призванный для дачи показаний, повторил свое утверждение, что не только задняя дверь, но и все нижние окна дома в шесть часов утра он нашел надежно запертыми и задвинутыми на засов. Неизбежный вывод напрашивался сам собой: кто-то затворил дверь после ухода девушки. Кто? Увы – именно этот вопрос и становился теперь самым серьезным и роковым.

Глава 5. Показания эксперта

В разгар всеобщего подавленного настроения, вызванного внезапным открытием, неожиданно раздался резкий звонок. Все взгляды тотчас обратились к двери гостиной, как раз в этот же миг медленно отворившейся, впуская некоего молодого человека и офицера, которого коронер час назад столь таинственным образом отослал. Безупречно аккуратный вид незнакомца, умный взгляд и общая уверенность сразу выдавали в нем того, кем он и являлся, – доверенного клерка солидного торгового дома. Молодой человек шагнул вперед без малейшей неловкости, хотя на него с живейшим любопытством были устремлены все без исключения взгляды, и, слегка поклонившись коронеру, сказал:

– Вы посылали за представителем фирмы «Бон и К°».

В зале мгновенно вспыхнуло сильнейшее волнение. «Бон и К°» была хорошо известной лавкой по продаже пистолетов и боеприпасов на Бродвее.

– Да, сэр, – отозвался коронер. – У нас имеется пуля, которую мы просим вас осмотреть. Вы профессионал вашего дела?

Молодой человек, лишь слегка приподняв выразительную бровь и небрежно взял пулю в руку.

– Можете ли вы сказать, из пистолета какой марки она была выпущена?

Он медленно перекатил пулю между большим и указательным пальцами, затем положил на стол.

– Это пуля тридцать второго калибра, – ответил молодой человек. – Обычно такие продаются к маленьким пистолетам фирмы «Смит энд Вессон».

– Маленький пистолет! – воскликнул дворецкий, вскакивая с места. – Хозяин держал такой в ящике прикроватной тумбочки. Я не раз его видел. Мы все об этом знали.

Волнение, особенно среди слуг, стало неудержимым.

– Верно! – раздался чей-то низкий голос. – Я сам однажды видел, как хозяин его чистил. Это был повар.

– В ящике тумбочки? – уточнил коронер.

– Да, сэр, у изголовья кровати.

Офицера немедленно послали осмотреть тумбочку. Через несколько минут он вернулся, неся небольшой пистолет, который положил на стол коронера со словами:

– Вот он.

Все присутствующие тотчас вскочили на ноги. Лишь коронер, передавая оружие клерку, спросил:

– Это та самая марка, о которой вы говорили?

– Без сомнения, – ответил тот. – «Смит энд Вессон». Вы можете убедиться сами, – и принялся его осматривать.

– Где вы нашли этот пистолет? – спросил коронер у офицера.

– В верхнем ящике бритвенного столика, стоявшего у изголовья кровати мистера Ливенворта. Он лежал в бархатном футляре вместе с коробкой патронов. Один из них я принес для сравнения, – и он положил патрон рядом с пулей.

– Ящик был заперт?

– Да, сэр, но ключ находился в замке.

Волнение в комнате достигло высшей точки, и раздался общий возглас:

– Заряжен ли он?

Коронер, нахмурившись и приняв величественный вид, заметил:

– Я как раз собирался задать этот вопрос, но прежде прошу соблюдать порядок.

Мгновенно воцарилась тишина. Любопытство было слишком велико, чтобы кто-нибудь осмелился ее прервать.

– Итак, сэра! – произнес коронер.

Клерк вынул барабан и поднял его.

– Здесь семь камер, и все они заряжены.

По залу пробежал разочарованный ропот.

– Но, – тихо добавил он, внимательно осмотрев лицевую сторону барабана, – заряжены они не все давно. Из одной из этих камер недавно был произведен выстрел.

– Откуда вы это знаете? – вскричал один из присяжных.

– Откуда я это знаю, сэра? – ответил молодой человек, обращаясь к коронеру. – Будьте добры, осмотрите состояние пистолета. Сначала взгляните на ствол. Он чист и блестит, не обнаруживая следов недавнего выстрела. Это потому, что его почистили. А теперь посмотрите на лицевую сторону барабана. Что вы там видите?

– Я вижу слабую полоску копоти возле одной из камер.

– Именно так. Покажите это господам.

Пистолет тут же передали по рядам.

– Эта тонкая полоска копоти на краю одной из камер и есть улика, господа. Пуля, выходя, всегда оставляет след. Тот, кто стрелял, помнил об этом, почистил ствол, но забыл про барабан.

С этими словами молодой человек отступил в сторону и скрестил руки на груди.

– О мой боже! – раздался грубый, простодушный возглас. – Да это же поразительно!

Восклицание принадлежало деревенскому мужику, который зашел с улицы и теперь стоял в дверях, разинув рот. Это было грубое, но все же не совсем нежеланное вмешательство. По комнате пробежали смешки, и мужчины и женщины словно вздохнули свободнее. Когда порядок наконец был восстановлен, офицера попросили описать расположение тумбочки и расстояние от нее до библиотечного стола.

– Библиотечный стол находится в одной комнате, а тумбочка – в другой. Чтобы попасть от одной к другой, нужно было бы пересечь спальню мистера Ливенворта по диагонали, пройти через проход, отделяющий одну комнату от другой, и...

– Одну минуту, – перебил коронер. – Как расположен этот стол по отношению к двери, ведущей из спальни в коридор?

– Можно войти в эту дверь, обойти прямо у подножия кровати к тумбочке, взять пистолет и затем пройти примерно половину пути к проходу, так и не будучи замеченным никем из тех, кто сидел или стоял в библиотеке.

– Пресвятая дева! – в ужасе вскричала кухарка, набрасывая фартук себе на голову, словно желая отгородиться от страшной правды. – У Ханна ни за что не хватило бы духу на такое. Ни за что, ни за что!

Но мистер Грайс, положив на плечо женщины тяжелую руку, усадил ее на место, одновременно укоряя и успокаивая ее с поразительной ловкостью.

– Прошу прощения, – жалобно повторяла она окружающим, – но это была не Ханна, нет!

Клерк вскоре был отпущен, и собравшиеся воспользовались случаем немного сменить свое местоположение, после чего вновь был вызван мистер Харвелл. Тот поднялся с заметной неохотой. Очевидно, предшествующие показания либо разрушили какую-то его теорию, либо, напротив, с пугающей ясностью укрепили нежелательное подозрение.

– Мистер Харвелл, – начал коронер, – нам известно о существовании пистолета, принадлежавшего мистеру Ливенворту, и при обыске мы нашли его в комнате. Знали ли вы, что он владел таким оружием?

– Знал.

– Было ли это общеизвестно в доме?

– По-видимому, да.

– Каким образом? Мистер Ливенворт имел обыкновение оставлять его на виду?

– Не могу сказать. Я могу лишь рассказать, каким образом сам узнал о его существовании.

– Хорошо, расскажите.

– Однажды мы говорили об огнестрельном оружии. Я питаю к нему некоторый интерес и давно мечтал о карманном пистолете. Когда я как-то раз сказал мистеру Ливенворту об этом, он поднялся со своего места и принес мне этот самый пистолет.

– Когда это было?

– Несколько месяцев назад.

– Значит, он владел этим пистолетом уже довольно долго?

– Да, сэр.

– Это единственный случай, когда вы его видели?

– Нет, сэр, – секретарь покраснел, – я видел его еще раз.

– Когда?

– Около трех недель назад.

– При каких обстоятельствах?

Секретарь опустил голову, и на его лице внезапно проступило напряженное, страдальческое выражение.

– Не могу ли я взять паузу, господа? – спросил он после минутного колебания.

– Это невозможно, – ответил коронер.

Лицо молодого человека побледнело еще сильнее.

– Я вынужден упомянуть имя одной дамы, – нерешительно произнес он.

– Нам очень жаль, – заметил коронер.

Молодой человек резко повернулся к нему, и я невольно удивился, как мог когда-то счесть его заурядным.

– Мисс Элеонора Ливенворт! – воскликнул он.

При этом имени все вздрогнули, кроме мистера Грайса. Тот был погружен в тесную и доверительную беседу со своими кончиками пальцев и, казалось, ничего не заметил.

– Разве не противоречит правилам приличия и тому уважению, которое мы все питаем к этой леди, очернять ее имя? – продолжал мистер Харвелл.

Но коронер настаивал на ответе, и тогда молодой человек вновь скрестил руки – жест, означавший решимость, – и низким, напряженным голосом начал:

– Дело лишь в следующем, господа. Около трех недель назад, однажды после полудня, мне пришлось зайти в библиотеку в необычное для меня время. Подойдя к каминной полке, чтобы взять перочинный нож, который я по неосторожности оставил там утром, я услышал шум в соседней комнате. Зная, что мистера Ливенворта нет дома, и полагая, что дамы тоже вышли, я позволил себе выяснить, кто этот незванный посетитель. Каково же было мое изумление, когда я увидел мисс Элеонору Ливенворт, стоящую у кровати своего дяди с его пистолетом в руке. Смущенный своей бестактностью, я попытался уйти, не будучи замеченным, но напрасно: как раз в тот миг, когда я переступал порог, она обернулась и, назвав меня по имени, попросила объяснить ей устройство пистолета. Господа, чтобы сделать это, мне пришлось взять его в руки. И это, сэр, второй случай, когда я видел или держал пистолет мистера Ливенворта.

Секретарь вновь опустил голову и в неопишемом волнении ожидал следующего вопроса.

– Мисс Элеонора попросила вас объяснить ей устройство пистолета. Что вы имеете под этим в виду?

– Я имею в виду, – слабо продолжил он, пытаясь перевести дух и напрасно стараясь сохранить спокойствие, – как его заряжать, целиться и стрелять.

По лицам всех присутствующих внезапно пробежала вспышка возбуждения. Даже коронер заметно взволновался и некоторое время молча смотрел на склоненную фигуру и бледное лицо стоявшего перед ним человека с выражением удивленного сострадания.

– Мистер Харвелл, – наконец проговорил коронер, – желаете ли вы что-нибудь добавить к только что сделанному заявлению?

Секретарь печально покачал головой.

– Мистер Грайс, – прошептал я, схватив его за руку и притянув к себе, – умоляю вас, уверьте меня...

Но он не дал мне договорить.

– Коронер сейчас потребует вызвать молодых дам, – быстро сказал следователь. – Если вы хотите исполнить свой долг по отношению к ним, будьте готовы, вот и все.

Исполнить мой долг! Эти простые слова привели меня в чувство. О чем я думал? Не сошел ли я с ума? Имея в голове лишь трогательный образ прекрасных кузин, склонившихся в скорби над останками человека, который был им дорог, как отец, я медленно поднялся и, когда было затребовано присутствие мисс Мэри Ливенворт и мисс Элеоноры Ливенворт, выступил вперед и заявил, что, как друг семьи – маленькая ложь, которая, надеюсь, мне будет прощена, – прошу позволения сходить за дамами и проводить их вниз. В тот же миг на меня устремился с десяток взглядов, и я испытал то смущение, какое ощущает человек, который каким-то неожиданным словом или поступком внезапно привлек к себе сосредоточенное внимание всей комнаты. Однако просимое разрешение было почти сразу же дано, и я вскоре смог избавиться от своего весьма неловкого положения. Едва успев это осознать, я уже оказался в коридоре. Мое лицо пылало, сердце билось от волнения, а в ушах все еще звучали слова мистера Грайса:

– Третий этаж, задняя комната, первая дверь у лестничной площадки. Вы найдете молодых дам ожидающими вас.

Глава 6. В новом свете

Третий этаж, комната в задней части дома, первая дверь у лестницы! Что ожидало меня там?

Поднявшись на один пролет, я содрогнулся, оказавшись у библиотеки, которая из-за моего встревоженного воображения казалась мне пропитанной зловещей атмосферой. Я медленно шел вверх, перебирая в уме множество мыслей, среди которых особенно настойчиво звучало давнее наставление моей матери: «Сын мой, помни, что женщина, у которой есть тайна, может быть увлекательным предметом для изучения, но она никогда не сможет быть надежной или даже порядочной собеседницей». Без сомнения, мудрое изречение, но совершенно неприменимое к нынешней ситуации. И все же оно преследовало меня, пока вид двери, к которой меня направили, не изгнал из головы все прочие мысли, кроме одной: я вот-вот встречу с несчастными племянницами жестоко убитого человека. Я задержался на пороге лишь для того, чтобы собраться с духом перед предстоящей встречей, и уже поднял руку, чтобы постучать, как изнутри раздался глубокий, чистый голос, и я отчетливо услышал эти поразительные слова:

– Я не обвиняю вашу руку, хотя и не знаю другой, которая могла бы или захотела бы совершить это деяние. Но ваше сердце, ваш разум, вашу волю – их я обвиняю и должна обвинять, по крайней мере в глубине своей души. И вам полезно это знать!

Пораженный я с ужасом отшатнулся, прижимая руки к ушам, когда кто-то коснулся моей руки, и, обернувшись, я увидел мистера Грайса. Он стоял рядом со мной, приложив палец к губам, и я лишь уловил тень мимолетных эмоций, слетевших с его спокойного, почти сострадательного лица.

– Ну, ну, – произнес сыщик, – вижу, вы еще не начали понимать, в каком мире живете. Возьмите себя в руки. Помните, они ждут внизу.

– Но кто? Кто это говорил?

– Это мы скоро узнаем.

И, избегая моего умоляющего взгляда, и тем более, не давая никакого ответа, мистер Грайс толкнул дверь и распахнул ее настежь.

В тот же миг нас окутал поток удивительных красок и оттенков. Голубые занавески, голубые ковры, голубые стены. Это было похоже на проблеск небесной лазури в месте, где можно было ожидать только темноту и уныние. Очарованный этим зрелищем, я порывисто шагнул вперед, но тут же снова остановился, пораженный открывшейся передо мной восхитительной картиной. Я увидел великолепную девушку, которая сидела в мягком кресле из расшитого атласа, приподнявшись из полулежачего положения, словно собираясь разразиться громким возгласом. Белокурая, хрупкая, гордая, утонченная, она была похожа на лилию в кремовом одеянии, которое то прилегало к ее стройной фигуре, то мягко колыхалось вокруг нее. Высокий лоб девушки был увенчан слегка приподнятыми бледными локонами, ее одна дрожащая рука сжимала подлокотник кресла, а другая была вытянута и указывала на какой-то отдаленный предмет в комнате. Весь облик этой незнакомки был столь поразителен, столь необыкновенен, что я затаил дыхание, на мгновение усомнившись, вижу ли перед собой живую женщину или же какую-нибудь знаменитую жрицу, вызванную из древних сказаний, чтобы единым величественным жестом выразить высшее негодование оскорбленной женственности.

– Мисс Мэри Ливенворт, – прошептал тот вездесущий голос у меня за плечом.

Ах! Мэри Ливенворт! Какое облегчение принесло это имя. Значит, это прекрасное создание – не Элеонора, что могла зарядить, прицелиться и выстрелить из пистолета. Повернув голову, я проследил за движением ее поднятой руки, теперь застывшей на середине страшного и судьбоносного откровения, – и увидел... но нет, здесь слова мне не помогут!

Элеонора Ливенворт должна быть изображена рукой более искусной, чем моя. Я мог бы полдня говорить о тонкой грации, великолепии, совершенстве форм и черт, которые делают Мэри Ливенворт чудом для всех, кто ее видит. Но Элеонора... Я с тем же успехом мог бы попытаться изобразить биение собственного сердца. Очаровательное, в то же время грозное, величественное, исполненное страданием лицо появилось перед моим взором, и в тот же миг красота ее кухни поблекла в моей памяти, и я видел лишь Элеонору, отныне и навсегда. Когда я впервые взглянул на нее, девушка стояла у небольшого столика, повернув лицо к своей кухне, и одна ее рука покоилась на груди, а другая на столе – весь ее облик выражал некую враждебность. Но прежде, чем внезапная боль, пронзившая меня при виде ее красоты, успела утихнуть, мисс Элеонора повернула голову, и ее взгляд встретился с моим. Весь ужас сложившейся ситуации разом открылся ей, и вместо надменной женщины, выпрямившейся, чтобы принять и растоптать чужие обвинения, я, увы, увидел лишь дрожащее, задыхающееся существо, сознающее, свое положение, и не имеющее ни слова в свое оправдание. Это была жалкая перемена – откровение, разрывающее сердце! Я отвернулся от нее, как отворачиваются от покаяния. Но в ту же минуту ее кухня, которая, по-видимому, вновь обрела самообладание при первом же проявлении чужого волнения, шагнула вперед и, протянув руку, спросила:

– Не вы ли мистер Рэймонд? Как это любезно с вашей стороны, сэр. А вы кто? – обратилась она к мистеру Грайсу. – Вы пришли сказать нам, что нас ждут внизу, не так ли?

Это был тот самый голос, который я слышал за дверью, но теперь смягченный, слащавый, располагающий, почти ласковый.

Я поспешно взглянул на мистера Грайса, желая увидеть, какое впечатление произвел на него этот тон. Очевидно, немалое: поклон, которым он ответил ей, был ниже обычного, а улыбка, с какой он встретил ее серьезный взгляд, – одновременно умоляющей и ободряющей. Сыщик не взглянул на ее кухню, хотя та не отрывала глаз от его лица, и в их глубине таился вопрос, более мучительный, чем любой крик. Зная мистера Грайса, я почувствовал, что ничто не может обещать худшего и быть более многозначительным, чем это откровенное пренебрежение к той, чье присутствие, казалось, наполняло комнату ужасом. Сострадание поразило меня. Я забыл, что говорила Мэри Ливенворт, забыл даже о ее присутствии и, поспешно отвернувшись, сделал шаг к ее кухне, когда рука мистера Грайса, опустившись на мое плечо, остановила меня.

– Говорит мисс Ливенворт, – сказал он.

Придя в себя, я отвернулся от того, что так притягивало меня и в то же время отталкивало, и, заставив себя ответить хоть что-нибудь прекрасному созданию передо мной, подал ей руку и повел к двери.

Лицо Мэри Ливенворт – бледное и гордое – тотчас смягчилось почти до улыбки. И тут позвольте заметить: никогда не было женщины, которая умела бы улыбаться – и не улыбаться – так, как Мэри Ливенворт. Глядя мне прямо в лицо с откровенной и нежной мольбой в глазах, она прошептала:

– Вы так добры. Мне и правда нужна поддержка. Обстоятельства столь ужасны, а моя кухня... – здесь в ее глазах мелькнул слабый отблеск тревоги, – ...сегодня какая-то очень странная.

– Хм! – подумал я. – Где же та величественная, негодующая жрица с невыразимой яростью и угрозой во взгляде, которую я увидел, едва вошел в эту комнату? Неужели она пытается увести нас от страшных догадок, принижая значение своих прежних слов? Или же она настолько слепа, что вообразила нас равнодушными к тяжким обвинениям, подслушанным в столь роковой миг?

Но Элеонора Ливенворт, опирающаяся на руку детектива, вскоре поглотила все мое внимание. К этому времени она тоже обрела самообладание, но не столь твердое, как ее кухня.

Шаг ее был неуверен, когда она старалась идти, а рука, лежавшая на его рукаве, дрожала, как лист.

– О, если бы я никогда не входил в этот дом, – сказал я себе.

И все же, не успел я закончить эту мысль, как ощутил в глубине души тайный протест против нее – чувство, не знаю, благодарности ли, что именно мне, а не кому-то другому, было позволено нарушить их уединение, подслушать те значительные слова и – признаюсь ли я? – последовать за мистером Грайсом и дрожащей, колеблющейся фигурой Элеоноры Ливенворт вниз по лестнице. Не то чтобы я испытывал хоть малейшее снисхождение к ее вине. Преступление никогда не казалось мне столь мрачным. Месть, эгоизм, ненависть, корысть – столь отвратительными. И все же... Но зачем вдаваться в разбор своих тогдашних чувств? Они не могут быть интересны. Да и кто способен проникнуть в глубины собственной души или распутать для других тайные нити отвращения и влечения, которые были и остаются для него самого загадкой и чудом? Довольно того, что, поддерживая на своей руке полуобморочное тело одной женщины, но отдавая все внимание и весь интерес другой, я спускался по лестнице дома Ливенвортов и вновь попадал в грозное присутствие тех законных следователей, которые с таким нетерпением ожидали нас. Когда я снова переступил тот порог и встретил жадные лица тех, кого покинул всего на краткое время, мне показалось, будто в промежутке минули целые века: так много может пережить человеческая душа за несколько мгновений, отягощенных непосильным бременем.

Глава 7. Мэри Ливенворт

Случалось ли вам когда-нибудь наблюдать, какое впечатление производит внезапный луч солнечного света, когда он, раздвинув тяжелые дождевые облака, обрушивается на землю? Если да, то вы можете представить себе ощущение, которое вызвало в той комнате появление этих двух прекрасных дам. Мэри обладала красотой, которая при любых обстоятельствах и в любом обществе не могла остаться незамеченной. По крайней мере она – если не ее менее броская, хотя ничуть не менее интересная кузина – никогда не входила в собрание людей, не приковав к себе изумленного внимания всех присутствующих. Но, после того как произошла самая страшная из трагедий, что вы могли ожидать на появление таких красавиц от группы людей, подобных тем, которых я уже описал, кроме всепоглощающего удивления и недоверчивого восхищения? Ничего, пожалуй. И все же при первом возгласе изумления и удовлетворения я почувствовал, как моя душа содрогнулась от отвращения. Поспешно усадив свою теперь уже дрожащую спутницу в самом уединенном месте, какое только мог найти, я огляделся в поисках ее кузины. Но Элеонора Ливенворт, какой бы слабой она ни казалась во время вышеописанного разговора, в этот миг не выказала ни колебания, ни смущения. Опершись на руку детектива, который в присутствии присяжных внезапно напустил на себя убедительный вид, отнюдь не обнадеживающий, она остановилась на мгновение, спокойно взирая на открывшуюся перед ней картину. Затем, поклонившись коронеру с такой грацией и снисходительностью, что тот сразу оказался в положении вежливого гостя этого элегантного дома, мисс Элеонора заняла место, которое ее собственные слуги поспешили для нее приготовить. Она это сделала с такой легкостью и достоинством, что вся эта сцена скорее напоминала торжественный прием, нежели неловкую ситуацию, в которой все мы находились. И хотя это игра была показным притворством, она все же оказала нужный эффект. Перешептывания мгновенно прекратились, навязчивые взгляды исчезли, и на лицах всех присутствующих появилось что-то вроде вынужденного уважения. Даже я, впечатленный ее совершенно иным поведением в комнате наверху, испытал чувство облегчения, и был более чем поражен, когда, повернувшись к даме, сидевшей рядом со мной, увидел, что ее глаза устремлены на кузину с глубинным вопросом, который нельзя было назвать ободряющим. Опасаясь, какое впечатление этот взгляд может произвести на окружающих, я поспешно схватил руку Мэри, безвольно свисающую с края стула со сжатой в кулак ладонью. Я уже собирался попросить девушку быть осторожной, когда коронер медленно и внушительно произнес ее имя, оторвав ее от раздумий. Поспешно отведя взгляд от кузины, Мэри Ливенворт подняла лицо к присяжным, и я заметил на нем отблеск, напоминавший мне мою прежнюю фантазию о жрице. Но он быстро исчез, и девушка с выражением величайшей скромности на лице согласилась откликнуться на требование коронера и ответить на первые несколько предварительных запросов.

Но как же мне передать тревогу того мгновения? Как бы кротка ни казалась эта девушка теперь, я знал, что она способна на великий гнев. Собиралась ли мисс Мэри повторить здесь свои подозрения? Ненавидела ли она свою кузину или же не доверяла ей? Осмелится ли девушка заявить в присутствии свидетелей то, что так легко произносила в уединении собственной комнаты и при одном-единственном слушателе? Хотела ли она этого? По лицу Мэри Ливенворт невозможно было угадать ее намерения, и я, охваченный волнением, вновь обратил взгляд на Элеонору. Но та, пронизанная страхом и дурными предчувствиями, которые я легко мог понять, отпрянула при первом же намеке на то, что ее кузина собирается заговорить, и теперь сидела, закрыв лицо руками, побелевшими почти до смертельной белизны.

Показания Мэри Ливенворт были кратки. После нескольких вопросов, касавшихся главным образом ее положения в доме и ее связи с покойным хозяином, девушку попросили рассказать все, что ей известно о самом убийстве и о том, как оно было обнаружено ее кузиной и

слугами. Подняв брови, на которых, казалось, до сих пор никогда не было и тени заботы или беспокойства, мисс Мэри ответила голосом низким и женственным, прозвевшим в комнате, как колокольчик:

– Господа, вы задаете мне вопрос, на который я не могу ответить, насколько мне известно. Я ничего не знаю об этом убийстве и о его открытии, кроме того, что дошло до меня из других уст.

Сердце мое радостно дрогнуло, и я увидел, как руки Элеоноры Ливенворт упали с ее лба, точно камень, а по лицу ее пробежал мерцающий отблеск надежды, и тут же погас, как солнечный блик.

– Ибо, как бы странно это ни показалось вам, – с горячностью продолжала Мэри Ливенворт, и тень пережитого ужаса вновь легла на ее лицо, – я не входила в комнату, где лежал мой дядя. Я даже не подумала об этом. Единственным моим порывом было убежать от того, что было таким ужасным и душераздирающим. Но Элеонора была там, и она может вам все рассказать...

– Мы допросим мисс Элеонору Ливенворт позднее, – перебил ее коронер, однако необычайно мягким для себя тоном. Очевидно, изящество и грация этой прекрасной женщины уже произвели на него впечатление. – Нас интересует то, что видели вы. Вы утверждаете, что не можете рассказать нам ничего о том, что происходило в комнате в момент обнаружения покойного?

– Нет, сэр.

– Только то, что случилось в передней?

– В передней ничего не происходило, – невинно заметила девушка.

– Разве слуги не проходили через переднюю, и разве ваша кухня не вышла туда после того, как очнулась от обморока?

Фиалковые глаза Мэри Ливенворт раскрылись с искренним удивлением.

– Да, сэр, но это не было чем-то примечательным.

– Однако вы помните, как мисс Элеонора вышла в переднюю?

– Да, сэр.

– С бумагой в руке?

– Бумагой? – Мэри вдруг резко обернулась и посмотрела на кухню. – У тебя была какая-то бумага, Элеонора?

Это мгновение было напряженным до предела. Элеонора Ливенворт, заметно вздрогнув при первом упоминании слова «бумага», поднялась со своего места в ответ на этот наивный вопрос и, приоткрыв губы, словно собиралась заговорить, но коронер, с твердым чувством процессуального порядка, решительно поднял руку и сказал:

– Вам не следует обращаться к вашей кухне, мисс. Лучше скажите нам сами, что вам известно.

Элеонора тотчас же опустилась обратно на стул. На обеих ее щеках проступили розовые пятна, а по залу пробежал легкий ропот – знак разочарования тех, кто был куда больше озабочен удовлетворением собственного любопытства, нежели соблюдением формальностей закона. Считая свой долг исполненным и желая быть снисходительным к столь очаровательной свидетельнице, коронер повторил вопрос:

– Скажите, пожалуйста, видели ли вы что-либо подобное в ее руке?

– Я? О нет, нет. Я ничего не видела.

Когда девушку стали расспрашивать о событиях предыдущего вечера, она не смогла добавить каких-либо новых деталей. Мисс Мэри признала, что за ужином дядя был несколько замкнут, но не более, чем в иные разы, когда его тяготили какие-нибудь деловые заботы. На вопрос, видела ли она его еще раз в тот вечер, девушка ответила отрицательно, пояснив, что была задержана в своей комнате, и что образ дяди, сидящего на своем месте во главе стола, –

последнее воспоминание, которое у нее о нем осталось. В нем было столько трогательной, беззащитной и вместе с тем ненавязчивой скорби, что по залу медленно прошел взгляд сочувствия.

Я даже заметил, как лицо мистера Грайса смягчилось. Однако, Элеонора Ливенворт оставалась неподвижной.

– Был ли ваш дядя с кем-нибудь в ссоре? – далее был задан вопрос. – Хранил ли он при себе ценные бумаги или тайные суммы денег?

На все эти вопросы девушка отвечала одинаково – отрицательно.

– Встречался ли ваш дядя в последнее время с каким-нибудь незнакомцем или получал ли за последние недели важное письмо, которое могло бы пролить свет на эту тайну?

В голосе Мэри прозвучало едва заметное колебание:

– Нет, не по моему знанию. Мне о таком ничего не известно.

Но тут, бросив быстрый взгляд на Элеонору, она, по-видимому, увидела нечто, что ее успокоило, и поспешно добавила:

– Думаю, я могу сказать даже больше и ответить на ваш вопрос решительным «нет». Мой дядя имел обыкновение мне доверяться, и я непременно знала бы, если бы с ним произошло что-либо для него важное.

Отвечая на вопросы о Ханне, юная хозяйка дома дала ей лучшую характеристику. Она не знала ничего, что могло бы привести к странному исчезновению служанки или связать ее с преступлением, а также не могла сказать, водила ли та знакомства или принимала посетителей, зная лишь, что никто с подобными притязаниями в дом не приходил. Наконец, когда девушку спросили, когда она в последний раз видела пистолет, который мистер Ливенворт всегда держал в ящике своего столика, она ответила – не после того дня, когда он был куплен. Заботы о покоях дяди лежали на Элеоноре, а не на ней. Это было единственное ее замечание, которое даже для ума, отягощенного подозрениями, подобно моему, могло бы намекнуть на скрытое сомнение или тайное подозрение, и оно прошло бы без внимания, если бы сама Элеонора в этот миг не устремила на говорившую тревожный и пристально-вопрошающий взгляд. Однако настало время вновь заявить о себе любознательному присяжному. Подвинувшись к краю кресла, он втянул в себя воздух с каким-то смутным, почти смешным благоговением перед красотой Мэри и спросил, хорошо ли она обдумала то, что только что сказала.

– Надеюсь, сэр. Я всегда обдумываю все, что мне приходится говорить в такое время, – серьезно ответила девушка.

Присяжный отступил, и я уже ожидал окончания допроса, как вдруг его тяжеловесный коллега с массивной цепочкой для часов, поймав взгляд молодой дамы, осведомился:

– Мисс Ливенворт, составлял ли ваш дядя завещание?

Мгновенно каждый человек в зале насторожился, и даже опрашиваемая не смогла удержать румянца уязвленной гордости, вспыхнувшего на ее щеках. Но ответ ее прозвучал твердо и без тени раздражения.

– Да, сэр.

– Более одного?

– Мне известно только об одном.

– Вы знакомы с его содержанием?

– Да. Он не делал тайны из своих намерений ни для кого.

Присяжный поднял монокль и посмотрел на нее. Ее грация, красота и элегантность были ему безразличны.

– В таком случае, быть может, вы сможете сказать, кто более всего выигрывал бы от его смерти?

Грубость этого вопроса была слишком очевидна, чтобы остаться безмолвно принятой. Не было в том зале ни одного человека, включая меня самого, кто не нахмурился бы с внезапным

неодобрением. Но Мэри Ливенворт, выпрямившись, спокойно посмотрела собеседнику в лицо и сдержанно произнесла:

– Я знаю, кто понес от нее наибольшую утрату. Дети, которых он прижал к своему сердцу в их беспомощности и горе, юные девушки, которых он окружил ореолом своей любви и защиты тогда, когда это было им всего нужнее, женщины, искавшие у него покровительства, когда детство и юность остались позади, – вот они, сэр, вот те, для кого его смерть стала потерей, по сравнению с которой все прочие беды, какие еще могут выпасть на их долю, навсегда покажутся ничтожными и маловажными.

Это был благородный ответ на самый низкий из намеков, и присяжный отступил, пристыженный. Но тут заговорил другой – тот, кто до сих пор не произнес ни слова, однако чья аура отличалась не только превосходством над прочими, но и почти внушительной суровой серьезностью. Он наклонился вперед и торжественным голосом произнес:

– Мисс Ливенворт, человеческий разум не может не создавать догадок. Скажите же, испытывали ли вы когда-либо – с основанием или без него – сознательное подозрение, указывающее на какое-либо одно лицо как на убийцу вашего дяди?

Это было страшное мгновение. Для меня и еще для одного человека – я в этом уверен – оно было не просто страшным, а мучительным. Не дрогнет ли ее мужество? Сохранится ли ее решимость защитить кузину перед лицом долга и по призыву совести? Я не смел на это надеяться.

Но Мэри Ливенворт, поднявшись со своего места, спокойно посмотрела судье и присяжным в лицо и, не повышая голоса, придав ему невыразимо ясное и острое звучание, ответила:

– Нет, у меня нет ни подозрений, ни оснований подозревать кого бы то ни было. Убийца моего дяди для меня не только совершенно неизвестен, но и совершенно не заподозрен.

Это было похоже на внезапное снятие удушающего гнета. Под общий, шумный выдох Мэри отошла в сторону, и на ее место была вызвана Элеонора Ливенворт.

Глава 8. Косвенные доказательства

И теперь, когда любопытство достигло наивысшего пика, когда завеса, скрывавшая эту ужасную трагедию, казалось, вот-вот поднимется, если не будет полностью снята, я почувствовал желание сбежать с места происшествия, покинуть это место, ничего больше не знать. Не то чтобы я испытывал какой-то особый страх перед тем, что эта девушка будет разоблачена. Холодная невозмутимость ее застывшего и бесстрастного лица сама по себе была достаточной гарантией избежания подобной катастрофы. Но если подозрения ее кузины действительно были порождены не только ненавистью, но и знанием, если это прекрасное лицо на самом деле было всего лишь маской, а Элеонора Ливенворт была именно такой, как следует из слов ее кузины и ее собственного последующего поведения, как я могу спокойно сидеть и смотреть, как ужасный змей греха выползает из этой белой розы! И все же очарование неопределенности таково, что, хотя я видел, как на лицах окружающих отражаются мои собственные чувства, ни один человек из всего этого собрания не выказал ни малейшего желания уйти, и меньше всего я сам. Коронер, на которого красота светловолосой Мэри, по-видимому, произвела впечатление не в пользу Элеоноры, был единственным в комнате, кто в этот миг остался невозмутим. Обратившись к свидетельнице с выражением, в котором уважение сочеталось с оттенком строгости, он начал:

– Вам с детства довелось быть близкой к семье мистера Ливенворта, как мне сообщили, мисс Ливенворт?

– С десятого года моей жизни, – тихо ответила она.

Это был первый раз, когда я услышал голос Элеоноры, и он поразил меня: столь похожий и в то же время столь непохожий на голос ее кузины. Сходный по тембру, он был лишен выразительности, звучал без вибрации и смолкал без отзвука.

– С тех пор с вами обращались как с дочерью, не так ли?

– Да, сэр, именно как с дочерью. Мистер Ливенворт был для нас обеих больше, чем просто отец.

– Вы и мисс Мэри Ливенворт – кузины, насколько я понимаю. Когда она вошла в семью?

– В то же время, что и я. Наши родители стали жертвами одной и той же беды. Если бы не наш дядя, мы, будучи детьми, оказались бы брошенными в этом мире. Но он... – тут девушка запнулась, и ее сжатые губы дрогнули, – ...но он, по доброте своего сердца, принял нас в свою семью и дал нам то, что мы обе потеряли: родителя и дом.

– Вы говорите, что мистер Ливенворт был вам отцом так же, как и вашей кузине, что он вас удочерил. Значит ли это, что он не только окружил вас нынешним достатком, но и дал понять, что обеспечит вас и после своей смерти – иначе говоря, намеревался оставить вам какую-то часть своего состояния?

– Нет, сэр. С самого начала мне дали понять, что его имущество будет завещано моей кузине.

– Однако степень родства у вас была одинаковой, мисс Ливенворт. Он никогда не объяснял вам причины этой явной субъективности?

– Никакой, кроме собственного желания, сэр.

До этого момента ответы Элеоноры были столь прямолинейны и удовлетворяли слушателей, что казалось, будто постепенно возникающее доверие вытесняет те тревожные сомнения, которые с самого начала окружали имя и образ этой женщины. Но при этом признании, произнесенном спокойным, лишенным страсти голосом, не только присяжные, но и я, имевший куда более веские основания ей не доверять, почувствовали, что подозрение в ее адрес должно быть серьезно поколеблено полным отсутствием мотива, столь ясно вытекавшим из ее слов.

Тем временем коронер продолжал:

– Если ваш дядя был к вам так добр, как вы говорите, вы, должно быть, были к нему очень привязаны?

– Да, сэр, – ее губы сомкнулись в четкую линию.

– Его смерть, следовательно, стала для вас тяжелым потрясением?

– Да, чрезвычайно тяжелым.

– Достаточным, чтобы вы лишились чувств, как мне сообщали, при первом взгляде на его тело?

– Вполне достаточным.

– И все же вы, по-видимому, были к этому готовы?

– Готова?

– Слуги утверждают, что вы были сильно встревожены, обнаружив, что ваш дядя не появился за завтраком.

– Слуги! – язык словно прилип к ее небу. Девушка едва могла говорить.

– Что, вернувшись из его комнаты, вы были очень бледны.

Начинала ли мисс Элеонора понимать, что в сознании человека, задающего ей подобные вопросы, возникли догадки, если не прямые подозрения? Я не видел ее столь взволнованной с того памятного мгновения в комнате наверху. Но подозрительность, если девушка и испытывала ее, мгновенно исчезала с ее лица. Собравшись с силами, Элеонора спокойно ответила, сопроводив слова легким движением плеч:

– В этом нет ничего удивительного. Мой дядя был человеком крайне пунктуальным. Малейшее отклонение от его привычек неизбежно должно было нас встревожить.

– Значит, вы были обеспокоены?

– В некоторой степени – да.

– Мисс Ливенорт, кто обычно следил за порядком в личных покоях вашего дяди?

– Я, сэр.

– Тогда вы, несомненно, знакомы с тумбочкой в его комнате, в которой имеется выдвижной ящик?

– Да, сэр.

– Когда вы в последний раз открывали этот ящик?

– Вчера, – произнесла девушка, заметно задрожав при этом признании.

– В какое время?

– Полагаю, около полудня.

– Был ли пистолет, который мистер Ливенорт обычно там хранил, на своем месте?

– Полагаю, что да. Я не обратила внимания.

– Вы заперли ящик, закрывая его?

– Да.

– Вынули ключ?

– Нет, сэр.

– Мисс Ливенорт, этот пистолет, как вы, возможно, заметили, лежит сейчас перед вами на столе. Прошу вас, взгляните на него.

И, подняв оружие, коронер протянул его девушке. Если он намеревался поразить ее внезапностью этого жеста, то вполне этого добился. При первом же взгляде на смертоносный предмет она отпрянула, и с ее губ сорвался испуганный, но тут же подавленный крик.

– О нет, нет! – простонала мисс Элеонора.

– Я должен настоять на том, чтобы вы взглянули на него, мисс Ливенорт, – продолжал коронер. – Его только что нашли, и все каморы были заряжены.

Мгновенно мучительное выражение исчезло с лица девушки.

– О, тогда... – начала она и, не договорив, протянула руку к оружию.

Но коронер, не сводя с нее пристального взгляда, продолжил:

– И все же из него недавно стреляли. Человек, очистивший ствол, забыл о камере, мисс Ливенворт.

Девушка не издала ни звука, однако выражение безысходности и полной беспомощности медленно появилось на ее лице, и казалось, что она вот-вот упадет без чувств. Но вдруг молниеносно последовала ее реакция: подняв голову с таким спокойным и величественным движением, какого я никогда прежде не видел, девушка воскликнула:

– Хорошо. И что же из этого?

Коронер положил пистолет на стол. Мужчины и женщины переглянулись. Все словно колебались, не решаясь продолжать. Я услышал рядом с собой дрожащий вздох и, обернувшись, увидел Мэри Ливенворт, устремившую на кухню взгляд, наполненный ужасом. Румянец внезапно залил щеки девушки, словно и она, как и все присутствующие, начала улавливать в Элеоноре нечто, требующее объяснений.

Наконец коронер собрался с духом и заговорил вновь:

– Вы спрашиваете меня, мисс Ливенворт, что же следует из представленных доказательств. Ваш вопрос обязывает меня пояснить: ни вор, ни наемный убийца не стал бы пользоваться этим пистолетом для убийства, а затем утруждать себя тем, чтобы не только очистить его, но и вновь зарядить, заперев после этого в том же самом ящике, откуда он и был взят.

Элеонора не ответила, но я заметил, как мистер Грайс сделал пометку на клочке бумаги, сопроводив ее своим характерным утвердительным кивком.

– И более того, – продолжал коронер с еще большей серьезностью, – ни один человек, не привыкший свободно входить и выходить из комнаты мистера Ливенворта в любое время, не смог бы так поздно ночью отворить дверь, достать этот пистолет из тайника, пересечь комнату и подойти к нему столь близко, как того требуют факты, не заставив его по меньшей мере повернуть голову, чего, с учетом показаний врача, мы допустить не можем.

Это было вопиющее предположение, и все ожидали, что Элеонора Ливенворт будет потрясена. Однако выражение оскорбленного негодования выступило на лице ее кузины. Вскочив с места, Мэри бросила быстрый взгляд на окружающих и уже раскрыла рот, чтобы заговорить, но Элеонора, слегка повернувшись, жестом призвала ее к терпению и ответила холодным, расчетливым голосом:

– У вас нет полной уверенности, сэр, что все было именно так. Если мой дядя по какой-то личной причине выстрелил из пистолета вчера, что, безусловно, возможно, если не вероятно, то последствия были бы теми же, и выводы оказались бы аналогичными.

– Мисс Ливенворт, – продолжал коронер, – пуля была извлечена из головы вашего дяди!

– Ах!

– Она соответствует пулям в патронах, найденных в ящике тумбы, и относится к тому типу, который используется в этом пистолете.

Девушка уронила голову на руки, ее взгляд устремился в пол – вся ее поза выражала полный упадок духа. Увидев это, коронер стал еще строже.

– Мисс Ливенворт, – проговорил он, – теперь мне следует задать вам несколько вопросов о прошлой ночи. Где вы провели вечер?

– Одна, в своей комнате.

– Однако вы видели в течение вечера вашего дядю или кухню?

– Нет, сэр, я никого не видела после того, как ушла из-за обеденного стола... кроме Томаса, – добавила она после краткой паузы.

– И при каких обстоятельствах?

– Он пришел, чтобы передать мне карточку джентльмена, который заезжал.

– Могу я узнать имя этого джентльмена?

– На карточке значилось: мистер Лерой Роббинс.

Это обстоятельство показалось мне незначительным. Однако внезапное резкое движение дамы рядом со мной заставило меня запомнить его.

– Мисс Ливенворт, находясь в своей комнате, вы имеете обыкновение держать дверь открытой?

Девушка вздрогнула, но тут же подавила этот порыв.

– Нет, сэр, не имею.

– Почему же прошлой ночью вы оставили ее открытой?

– Мне было жарко.

– Иных причин не было?

– Я не могу назвать других.

– Когда же вы закрыли дверь?

– Перед тем, как лечь спать.

– До того, как слуги поднялись наверх, или после?

– После.

– Вы слышали мистера Харвелла, когда он вышел из библиотеки и поднялся к себе?

– Слышала, сэр.

– Как долго после этого ваша дверь оставалась открытой?

– Я... я... несколько минут... я... не могу сказать, – добавила девушка поспешно.

– Не можете сказать? Почему? Вы забыли?

– Я забыла, сколько именно времени прошло после того, как мистер Харвелл поднялся, прежде чем я ее закрыла.

– Это было больше десяти минут?

– Да.

– Больше двадцати?

– Возможно.

Как бледно было ее лицо, как она дрожала!

– Мисс Ливенворт, согласно показаниям, ваш дядя умер вскоре после того, как мистер Харвелл его покинул. Если ваша дверь была открыта, вы должны были услышать, если кто-нибудь входил к нему или если раздался выстрел. Скажите же теперь: вы слышали что-нибудь?

– Я не слышала шума, нет, сэр.

– Вы вообще что-нибудь слышали?

– Никаких выстрелов я не слышала.

– Мисс Ливенворт, простите мою настойчивость, но какие-нибудь звуки вы слышали?

– Я слышала, как закрылась дверь.

– Какая дверь?

– Дверь библиотеки.

– Когда?

– Я не знаю, – сказала девушка, истерически сцепив руки. – Не могу сказать. Зачем вы задаете мне столько вопросов?

Я вскочил на ноги. Мисс Элеонора покачивалась и была почти без чувств. Но, прежде чем я успел подойти, она вновь выпрямилась и вернула себе прежнее самообладание.

– Простите, – произнесла она. – Сегодня утром я не в себе. Прошу меня извинить, – и Элеонора вновь спокойно обратилась к коронеру. – Что вы спрашивали?

– Я спросил, – и голос его стал резким и пронзительным, – очевидно, ее манера держаться начала действовать против нее, – когда именно вы услышали, как закрылась дверь библиотеки?

– Я не могу назвать точного времени, но это было после того, как мистер Харвелл поднялся наверх, и до того, как я закрыла собственную дверь.

– И вы не слышали выстрела?

– Нет, сэр.

Коронер быстро взглянул на присяжных, и почти все они отвели глаза.

– Мисс Ливенворт, нам сообщили, что Ханна, одна из служанок, поздно ночью направилась к вам в комнату за каким-то лекарством. Она приходила?

– Нет, сэр.

– Когда вы впервые узнали о ее странном исчезновении из дома в ту ночь?

– Сегодня утром, перед завтраком. Молли встретила меня в коридоре и спросила, как поживает Ханна. Этот вопрос показался мне странным, и я, разумеется, стала расспрашивать ее. После короткого разговора стало понятно, что Ханна исчезла.

– Что вы подумали, когда узнали об этом?

– Я не знала, что и думать.

– Какие-либо подозрения не приходили вам в голову?

– Нет, сэр.

– Вы не связали это с убийством вашего дяди?

– Я тогда еще не знала об убийстве.

– А позже?

– О... мысль о том, что Ханна могла знать что-нибудь об этом, вероятно, и мелькнула у меня в голове, не могу сказать.

– Можете ли вы сообщить нам что-нибудь о прошлом этой девушки?

– Не больше того, что уже сказала моя кузина.

– Вы не знаете, что делало ее по вечерам такой печальной?

Щеки Элеоноры гневно вспыхнули – от тона коронера или от самого вопроса?

– Нет, сэр! Ханна никогда не доверяла мне своих тайн.

– Тогда вы не можете сказать, куда она могла направиться, покинув этот дом?

– Разумеется, нет.

– Мисс Ливенворт, мы вынуждены задать вам еще один вопрос. Нам сообщили, что именно по вашему распоряжению тело вашего дяди было перенесено с места, где его нашли, в соседнюю комнату.

Девушка склонила голову.

– Разве вы не знали, что недопустимо тревожить тело умершего человека – вам или кому бы то ни было – иначе как в присутствии и с разрешения надлежащего должностного лица?

– Я руководствовалась не знанием, сэр, – лишь своими чувствами.

– Тогда, полагаю, именно чувства побудили вас остаться у стола, за которым он был убит, вместо того чтобы последовать за телом и проследить за его надлежащим размещением? Или, – продолжал коронер с беспощадной иронией, – вы были слишком заняты в тот момент клочком бумаги, который унесли с собой, чтобы задумываться о приличиях происходящего?

– Бумаги? – девушка решительно подняла голову. – Кто утверждает, что я взяла со стола бумагу?

– Один свидетель поклялся, что видел, как вы склонились над столом, на котором были разбросаны бумаги. Другой – что встретил вас несколькими минутами позже в коридоре, когда вы прятали листок в карман. Вывод напрашивается сам, мисс Ливенворт.

Это был удар точно в цель, и мы ожидали хотя бы тень волнения на лице девушки, но ее надменные губы даже не дрогнули.

– Вы сделали вывод – вам и доказывать факт.

Ответ был исполнен величественного достоинства, и мы не удивились, увидев, как коронер слегка растерялся. Однако, овладев собой, он сказал:

– Мисс Ливенворт, я вновь спрашиваю вас: брали вы что-нибудь со стола или нет?

– Я отказываюсь отвечать на этот вопрос, – спокойно сказала Элеонора, скрестив руки.

– Прошу прощения, – возразил коронер, – но вы обязаны ответить.

Ее губы сжались еще решительнее.

– Когда при мне будет найден какой-либо подозрительный документ, тогда и настанет время объяснить, как он ко мне попал.

Эти слова, казалось, совершенно ошеломили коронера.

– Вы сознаете, к чему может привести ваш отказ?

Девушка опустила голову.

– Боюсь, что да. Сознаю, сэр.

Мистер Грайс поднял руку и мягко закрутил кисточку оконной портьеры.

– И вы все же настаиваете?

Мисс Элеонора сочла ниже своего достоинства отвечать, а коронер не стал на этом настаивать. Теперь всем стало ясно, что Элеонора Ливенворт не только перешла к активной самозащите, но прекрасно осознавала свое положение и готова была его отстаивать. Даже ее кузина, до сих пор сохранявшая видимость самообладания, начала проявлять признаки сильного неконтролируемого волнения – словно одно дело было самой выдвигать обвинение, и совсем другое – видеть его отраженным на лицах окружающих людей.

– Мисс Ливенворт, – продолжал коронер, меняя направление атаки, – у вас всегда был свободный доступ в покои вашего дяди, не так ли?

– Да, сэр.

– Вы могли бы войти в его комнату поздно ночью, пересечь ее и встать рядом с ним, не потревожив его настолько, чтобы он повернул голову?

– Да, – ее руки болезненно сжались.

– Мисс Ливенворт, ключ от двери библиотеки исчез.

Девушка не ответила.

– Было засвидетельствовано, что до обнаружения убийства вы в одиночестве подходили к двери библиотеки. Скажите нам, был ли тогда ключ в замке?

– Его там не было.

– Вы уверены?

– Уверена.

– Было ли что-нибудь необычное в этом ключе – размер или форма?

Элеонора попыталась подавить внезапный ужас, вызванный этим вопросом, небрежно оглянувшись на группу слуг за своей спиной и задрожала.

– Он немного отличался от остальных, – наконец признала она.

– Чем именно?

– Рукоятка была сломана.

– Господа, рукоятка была сломана! – подчеркнул коронер, обращаясь к присяжным.

Мистер Грайс, казалось, принял это к сведению: он вновь сделал свой быстрый утвердительный кивок.

– Следовательно, мисс Ливенворт, вы бы узнали этот ключ, если бы увидели его?

Она бросила на коронера встревоженный взгляд, словно ожидая увидеть ключ в его руке, но, не обнаружив его, приободрилась и ответила вполне спокойно:

– Думаю, да, сэр.

Коронер, по-видимому, остался удовлетворен и уже собирался отпустить свидетельницу, когда мистер Грайс тихо подошел и коснулся его руки.

– Одну минуту, – сказал следователь и, наклонившись, прошептал несколько слов коронеру на ухо, затем выпрямился и замер, положив правую руку на грудь и устремив взгляд на люстру.

Я едва осмеливался дышать. Не повторил ли он коронеру слова, которые нечаянно подслушал наверху, в коридоре? Но один взгляд на лицо коронера убедил меня, что ничего столь важного не произошло. Он выглядел не только усталым, но и слегка раздраженным.

– Мисс Ливенворт, – сказал коронер, вновь обратившись к ней, – вы заявили, что вчера вечером не заходили в комнату вашего дяди. Вы подтверждаете это утверждение?

– Подтверждаю.

Он взглянул на мистера Грайса, который тут же извлек из нагрудного кармана странно испачканный носовой платок.

– Тогда странно, что ваш платок был найден сегодня утром в этой комнате.

Девушка вскрикнула. Затем, в то время как лицо Мэри застыло в выражении отчаянного напряжения, Элеонора Ливенворт сжала губы и холодно ответила:

– Я не вижу в этом ничего особенно странного. Я была в этой комнате сегодня рано утром.

– И вы уронили его тогда?

Мучительный румянец залил ее лицо, и она не ответила.

– В таком виде? – продолжал коронер.

– Я ничего не знаю об этом пятне. Что это такое? Дайте посмотреть.

– Через минуту. Сейчас нас интересует другое: как этот платок оказался в покоях вашего дяди.

– Есть множество возможностей. Я могла оставить его там несколько дней назад. Я уже сказала, что часто заходила в его комнату. Но прежде всего позвольте мне убедиться, что это действительно мой платок, – и Элеонора протянула руку.

– Полагаю, ваш, – заметил коронер, – мне сообщили, что в углу вышиты ваши инициалы, – добавил он, когда мистер Грайс передал его ей.

Но девушка с ужасом прервала его:

– Эти грязные пятна! Что это такое? Они похожи на...

– ...на то, чем и являются, – сказал коронер. – Если вам когда-либо приходилось чистить пистолет, вы должны знать, что это, мисс Ливенворт.

Она судорожно выронила платок и застыла, глядя на него, лежащий у ее ног.

– Я ничего об этом не знаю, господа, – пробормотала Элеонора. – Это мой платок, но... – по какой-то причине она не окончила фразу и лишь повторила: – Право же, господа, я ничего об этом не знаю!

На этом ее показания были завершены.

Кейт, кухарку, вновь вызвали и попросили сказать, когда она в последний раз стирала этот платок.

– Этот, сэр? Этот платок? О... где-то на этой неделе, сэр, – бросив умоляющий взгляд на свою хозяйку.

– В какой день?

– Хотела бы я забыть, мисс Элеонора, да не могу. Он в доме такой один. Я стирала его позавчера.

– Когда вы его гладили?

– Вчера утром, – едва выговаривая слова, ответила Кейт.

– А когда отнесли его в комнату хозяйки?

Кухарка набросила фартук на голову.

– Вчера после полудня, вместе с остальным бельем, прямо перед обедом. Право слово, я не могу иначе, мисс Элеонора! – прошептала она. – Это является правдой.

Элеонора Ливенворт нахмурилась. Эти показания, столь явно противоречившие ее словам, заметно подействовали на девушку. Когда спустя мгновение коронер, отпустив свидетельницу, обратился к ней с вопросом, не желает ли она добавить что-либо в свое оправдание или объяснение, она почти судорожно вскинула руки, медленно покачала головой – и без слов тихо лишилась чувств, осев в своем кресле. В комнате поднялась тревога, во время которой я заметил, что Мэри Ливенворт не поспешила к кухне, предоставив Молли и Кейт делать все возможное, чтобы привести ее в чувство. Через несколько минут это удалось настолько,

что они смогли вывести Элеонору из комнаты. Когда они это сделали, я заметил, как высокий мужчина поднялся и последовал за ними. На мгновение воцарилась тишина, вскоре нарушенная нетерпеливым движением нашего маленького присяжного, который встал и предложил прервать заседание на сегодня. Это, по-видимому, совпадало с намерениями коронера, и он объявил, что следствие откладывается до трех часов следующего дня, выразив надежду, что все присяжные будут присутствовать.

Затем последовала всеобщая суматоха, в результате которой через несколько минут в комнате остались мисс Ливенворт, мистер Грайс и я.

Глава 9. Находка

Мисс Ливенворт, которая, казалось, испытывала смутный страх перед тем, что все и вся в доме находится вне ее непосредственного наблюдения, отшатнулась от меня, как только обнаружила, что осталась одна, и, удалившись в дальний угол, предалась горю. Потому я обратил свое внимание на мистера Грайса и увидел, что он с озабоченным видом усердно пересчитывает собственные пальцы – занятие, видимо, трудоемкое, последствия которого могли быть какими угодно. Но, заметив мое приближение и, вероятно, убедившись, что число пальцев соответствует должному, он опустил руки и приветствовал меня слабой улыбкой, которая, при всех обстоятельствах, была слишком многозначительной, чтобы быть приятной.

– Что ж, – сказал я, остановившись перед ним, – я не могу вас винить. Вы имели право поступить так, как сочли нужным. Но как у вас хватило совести? Разве мисс Элеонора и без того не была достаточно скомпрометирована, чтобы вы еще и предъявляли этот жалкий носовой платок, который она могла – а могла и не – уронить в той комнате, но присутствие которого там, хотя он и был испачкан пистолетной смазкой, отнюдь не доказывает, что она сама причастна к этому убийству?

– Мистер Рэймонд, – ответил детектив, – меня назначили полицейским и сыщиком по этому делу, и я намерен исполнять свои обязанности.

– Разумеется, – поспешил возразить я. – Я последний человек, который стал бы побуждать вас уклоняться от вашего долга. Однако неужели у вас хватает дерзости утверждать, что это юное и нежное создание хоть в какой-то мере может быть замешанным в преступлении столь чудовищном и противоестественном? Одно лишь заявление о подозрениях со стороны другой женщины по этому поводу не должно...

Тут мистер Грайс прервал меня:

– Вы разглагольствуете тогда, когда ваше внимание следовало бы обратить на более важные вещи. Та «другая женщина», как вы изволили назвать прекраснейшее украшение нью-йоркского общества, сидит вон там в слезах. Ступайте и утешьте ее.

Я с изумлением взглянул на него и заколебался, но, видя, что Грайс говорит всерьез, подошел к Мэри Ливенворт и сел рядом. Она плакала, но медленно, неосознанно, как будто горе уступило место страху. Страх был слишком неприкрытым, а горе – слишком естественным, чтобы я мог усомниться в искренности того и другого.

– Мисс Ливенворт, – позвал я, – всякая попытка утешения со стороны постороннего в такую минуту должна казаться самой горькой насмешкой, но постарайтесь все-таки помнить, что косвенные улики не всегда равносильны безусловному доказательству.

Вздвигнув от удивления, девушка перевела на меня медленный, всеобъемлющий взгляд, который так приятно было видеть в ее нежных и женственных глазах.

– Нет, – согласилась Мэри, – косвенные улики не являются безусловным доказательством, но Элеонора этого не знает. Она так напряжена, что сама сует голову в петлю, и, о... – Тут она остановилась и с пылом схватила меня за руку. – Вы думаете, есть ли риск? Они... – продолжить девушка не смогла.

– Мисс Ливенворт, – твердо сказал я, бросив предостерегающий взгляд на детектива, – что вы хотите этим сказать?

Ее взгляд молниеносно последовал за моим, и в ее поведении произошла мгновенная перемена.

– Возможно, ваша кузина и вспыльчива – продолжил я, словно ничего не случилось, – но я не понимаю, что вы имеете в виду, говоря, будто она сама лезет в петлю.

– А вот что, – твердо ответила девушка. – сознательно или нет, но Элеонора так уклонялась и так отвечала на вопросы, которые ей задавали в этой комнате, что всякий, кто ее слу-

шал, решил бы, будто она знает об этом ужасном деле больше, чем следовало бы. Она ведет себя, – Мэри прошептала, хотя и не настолько тихо, чтобы каждое слово не было отчетливо слышно во всех углах комнаты, – так, словно стремится что-то скрыть. Но это не так! Я уверена, что это не так. Мы с Элеонорой не в лучших отношениях, однако, весь свет не заставит меня поверить, что она знает об этом убийстве больше, чем знаю я. Не скажет ли кто-нибудь ей, не вы ли, что такая манера поведения ошибочна? Что она способна возбудить подозрение, если уже его не возбудила? И, о, не забудьте добавить, – тут ее голос окончательно перешел на шепот, – то, что вы только что сказали мне: что косвенные улики не всегда являются безусловным доказательством.

Я смотрел на нее с величайшим изумлением. Какая актриса была эта женщина!

– Вы просите меня сказать ей это? – воскликнул я. – Не лучше ли вам самой поговорить с ней?

– Мы с Элеонорой почти не бываем в доверительных отношениях, – ответила девушка.

В это легко было поверить, и все же я был озадачен. Во всем ее поведении было нечто необъяснимое. Не зная, что еще сказать, я заметил:

– Это печально. Ей непременно следовало бы понять, что прямота – всегда лучший путь.

Мэри Ливенворт только всхлипнула.

– О, зачем на меня обрушилось это ужасное несчастье – на меня, которая прежде всегда была так счастлива!

– Возможно, именно потому, что вы всегда были счастливы.

– Мало того, что дорогой дядя погиб столь страшной смертью, так еще и она, моя собственная кузина, должно быть...

Я коснулся руки девушки, и это, по-видимому, вернуло ей самообладание. Мэри резко оборвала фразу и прикусила губу.

– Мисс Ливенворт, – прошептал я, – вам следует надеяться на лучшее. К тому же я искренне полагаю, что вы тревожите себя напрасно. Если не откроется ничего нового, одни лишь уклончивые ответы вашей кузины не смогут повредить ей.

Я сказал это, желая проверить, есть ли у нее причины опасаться будущего. И был щедро вознагражден.

– Ничего нового? Как может появиться что-то новое, если она совершенно невиновна?

Вдруг девушку словно осенила какая-то мысль. Резко повернувшись на стуле так, что ее надушенный пеньюар коснулся моего колена, Мэри воскликнула:

– Почему они не задавали мне больше вопросов? Я могла бы сказать им, что Элеонора прошлой ночью вовсе и не выходила из своей комнаты.

– Вы могли бы?

– Да, моя комната ближе к лестничной площадке, чем ее. Если бы она проходила мимо моей двери, я непременно услышала бы, разве вы не понимаете?

Ах, вот и все.

– Это еще не доказательство, – печально ответил я. – Не можете ли вы привести какую-нибудь другую причину?

– Я сказала бы все, что было бы нужно, – прошептала девушка.

Я отпрянул. Да, эта женщина солгала бы, чтобы спасти кузину, а значит она лгала и на следствии. Но тогда я чувствовал благодарность, а сейчас был просто в ужасе.

– Мисс Ливенворт, – произнес я, – ничто не может оправдать человека, нарушающего веления собственной совести, даже безопасность того, кого мы не очень-то любим.

– Разве? – переспросила она, и ее губы дрогнули, а прекрасная грудь взволнованно поднялась, и девушка тихо отвела взгляд.

Если бы красота Элеоноры не произвела на меня такого впечатления, или ее ужасное положение не пробудило в моей душе столько тревоги, я бы с того момента чувствовал себя потерянным.

– Я не хотела сделать ничего дурного, – продолжала мисс Ливенворт. – Не думайте обо мне слишком плохо.

– Нет, нет, – возразил я.

И не было бы на свете мужчины, который на моем месте ответил бы иначе. Что еще могло бы быть сказано между нами на эту тему, не знаю, ибо в этот момент дверь отворилась, и вошел человек, которого я узнал, как того самого, что некоторое время назад последовал за Элеонорой Ливенворт.

– Мистер Грайс, – сказал он, остановившись у порога, – позвольте переговорить.

Детектив кивнул, но не поспешил сразу же к нему. Вместо этого он неторопливо прошел в другой конец комнаты, приподнял крышку стоявшей там чернильницы, пробормотал в нее несколько невнятных слов и тотчас же захлопнул. В ту же секунду меня охватила странная фантазия: будто, если бы я сейчас бросился к чернильнице, открыл ее и заглянул внутрь, я поймал бы и разоблачил ту крупную тайну, которую ей доверил мистер Грайс. Но я подавил этот нелепый порыв и ограничился тем, что отметил сдержанное, почти почтительное выражение лица, с каким худошавый подчиненный ожидал приближения своего начальника.

– Ну? – спросил тот, подойдя. – Что там?

Человек пожал плечами и увлек своего начальника за дверь. В коридоре их голоса перешли на шепот, и, видя лишь их спины, я обернулся к своей собеседнице. Она была бледна, но спокойна.

– Он пришел от Элеоноры?

– Не знаю. Боюсь, что да. Мисс Ливенворт, – продолжил я, – неужели возможно, чтобы у вашей кухни было что-то, что она желала бы скрыть?

– Так вы думаете, она что-то скрывает?

– Я этого не утверждаю. Но много говорили о каком-то документе...

– Они никогда не найдут ни бумаги, ни чего-либо иного подозрительного у Элеоноры, – перебила его Мэри. – Во-первых, не существовало никакой бумаги, достаточно важной, – тут я заметил, как фигура мистера Грайса внезапно напряглась, – чтобы кто-нибудь стал похищать и прятать ее.

– Вы уверены? Не могла ли ваша кухня быть осведомлена о чем-нибудь...

– Не о чем было быть осведомленной, мистер Рэймонд. Мы вели самую обычную домашнюю жизнь. Я, со своей стороны, не понимаю, почему этому всему уделяют столько внимания. Мой дядя, несомненно, погиб от руки злоумышленника, намеревавшегося обворовать дом. То, что ничего не было похищено, еще не доказывает, что это не было попыткой ограбления. Что же до запертых дверей и окон, станете ли вы считать слово ирландской служанки безоговорочно правдивым в столь важном вопросе? Я – нет. Я убеждена, что убийца принадлежит к шайке людей, живущих за счет грабежей чужих домов, и, если вы не можете искренне со мной согласиться, то хотя бы допустите такую возможность – если не ради чести моей семьи, то... – и девушка обратила на меня свое прекрасное лицо: глаза, щеки, губы – все столь изящное и чарующее, – то ради меня.

В этот миг мистер Грайс повернулся к нам.

– Мистер Рэймонд, не будете ли вы так любезны подойти сюда?

Радуюсь возможности увильнуть от разговора, я поспешно повиновался.

– Что случилось? – спросил я.

– Мы намерены посвятить вас в одно обстоятельство, – спокойно ответил детектив.

– Мистер Рэймонд, мистер Фоббс.

Я поклонился стоявшему передо мной человеку и застыл в тревожном ожидании. Как бы мне ни хотелось узнать, чего нам на самом деле следует опасаться, я все же интуитивно избегал любого общения с тем, кого считал шпионом.

– Дело довольно важное, – продолжал сыщик. – Мне нет необходимости напоминать вам, что это конфиденциальная информация, не так ли?

– Нет.

– Я так и думал. Мистер Фоббс, продолжайте.

В тот же миг весь облик Фоббса изменился. Приняв важный вид, он приложил свою широко ладонь к сердцу и начал:

– По поручению мистера Грайса, наблюдая за поведением мисс Элеоноры Ливенворт, я покинул комнату вслед за ней и двумя слугами, которые проводили ее наверх, в ее собственные покои. Оказавшись там...

– Оказавшись где? – перебил его мистер Грайс.

– В ее комнате, сэр.

– Где она расположена?

– Наверху, у лестницы.

– Это не ее комната. Продолжайте.

– Не ее комната? Тогда, значит, она направлялась к камину! – вскричал Фоббс, хлопнув себя по колену.

– К камину?

– Простите, я забежал вперед, – продолжал он. – Мисс Элеонора, казалось, почти не обращала на меня внимания, хотя я шел прямо за ней. Лишь когда она дошла до двери этой комнаты, которая, заметьте, вовсе не была ее комнатой! – вставил он с драматическим нажимом, – и обернулась, чтобы отпустить слуг, она, по-видимому, заметила, что за ней следят. Затем, окинув меня взглядом, исполненным большого достоинства, которое, однако, быстро сменилось выражением терпеливой выдержки, она вошла, оставив за собой дверь открытой с вежливостью, которую я не могу в достаточной мере похвалить.

Я невольно нахмурился. При всей своей, казалось бы, добросовестности, человек этот явно не считал происходящее для себя чем-то угнетающим. Заметив мое недовольство, Фоббс смягчил тон.

– Не видя иного способа держать девушку в поле зрения, кроме как войти следом, я прошел в комнату и сел в дальнем углу. Она бросила на меня быстрый взгляд, когда я это сделал, и начала беспокойно расхаживать по комнате, что выглядело очень непривычно. Вдруг она резко остановилась прямо посреди комнаты. «Принесите мне стакан воды!» – выдохнула девушка. – «Мне опять дурно... скорее! Он стоит в углу, на подставке». Чтобы достать этот стакан, мне нужно было пройти за туалетное зеркало, доходившее почти до потолка, и я, естественно, заколебался. Но она повернулась и посмотрела на меня, и... Что ж, джентльмены, я думаю, любой из вас поспешил бы выполнить просьбу мисс Элеоноры или, по крайней мере, – Фоббс с сомнением посмотрел на мистера Грайса, – отдал бы что угодно за такую привилегию, даже если бы не поддавался искушению.

– Ну, ну! – нетерпеливо воскликнул мистер Грайс.

– Продолжаю, продолжаю, – кивнул тот. – Затем я на мгновение скрылся из виду, но, по-видимому, этого было достаточно для ее цели, потому что, когда я появился со стаканом в руке, мисс Элеонора стояла на коленях у каминной решетки, футах в пяти от того места, где прежде находилась, и возилась у пояса платья так, будто у нее там было спрятано что-то, от чего она очень хотела избавиться. Я внимательно наблюдал за ней, подавая воду, но Элеонора смотрела в камин и, казалось, ничего вокруг не замечала. Отпив всего глоток, мисс вернула мне стакан и уже в следующий миг протянула руки к огню. «О, как мне холодно! – воскликнула она. – Так холодно!» И я искренне верю, что ей и в самом деле было холодно. По крайней

мере, она дрожала весьма правдоподобно. В камине тлели последние угли, и когда я увидел, как девушка вновь сунула руку в складки платья, я насторожился. Подойдя на шаг ближе, я заглянул через ее плечо и отчетливо увидел, как она бросила в решетку какой-то предмет, который звякнул, ударившись о металл. Заподозрив, что это такое, я уже собирался вмешаться, как мисс Элеонора вскочила, схватила стоявшее у очага ведро с углем и одним движением высыпала все на тлеющие угли. «Мне нужен огонь, – закричала она, – огонь!» «Это не лучший способ его развести», – ответил я и стал осторожно, руками, по кусочку, вынимать уголь и перекладывать обратно в ведро, пока...

– Пока что? – спросил я, заметив, как он и мистер Грайс быстро обменялись взглядами.

– Пока не нашел вот это! – воскликнул молодой человек, раскрывая широкую ладонь и показывая мне ключ со сломанной рукояткой.

Глава 10. Следствие обретает новый поворот

Это поразительное открытие произвело на меня самое печальное впечатление. Значит, это все было правдой. Элеонора – прекрасная, пленительная Элеонора – была... Я не продолжил, да не смог бы продолжить фразу, даже в тишине собственных мыслей.

– Вы выглядите удивленным, – заметил мистер Грайс, с любопытством взглянув на ключ. – А вот я – нет. Женщина не волнуется, не краснеет, не увиливает и не падает в обморок без причины, особенно такая женщина, как мисс Ливенворт.

– Женщина, способная на подобный поступок, была бы последней, кто стал бы волноваться, увилывать и терять сознание, – возразил я. – Дайте мне ключ, я хочу его увидеть.

Детектив с довольным видом вложил его мне в руку.

– Это именно тот ключ, который нам нужен. Тут уж ничего не поделаешь.

Я вернул его.

– Если она объявит себя невиновной, я поверю ей.

Грайс с величайшим изумлением уставился на меня.

– У вас, вижу, крепкая вера в женщин, – рассмеялся он. – Надеюсь, они никогда вас не разочаруют.

Мне нечего было ответить, и на мгновение воцарилось молчание, которое первым нарушил мистер Грайс.

– Осталось сделать лишь одно, – сказал он. – Фоббс, вам придется попросить мисс Ливенворт спуститься вниз. Не пугайте ее, просто добейтесь того, чтобы она пришла. В приемную, – добавил он, когда слуга уже отходил.

Как только мы остались одни, я направился было к Мэри, но детектив остановил меня.

– Оставайтесь и доведите дело до конца, – прошептал он. – Она сейчас будет здесь, лучше вам это увидеть.

Я оглянулся и заколебался. Однако мысль о том, что я снова увижу Элеонору, невольно увлекла меня. Попросив Грайса подождать, я вернулся к Мэри, чтобы извиниться.

– Что случилось? Что произошло? – взволнованно спросила она.

– Пока ничего такого, что могло бы вас потревожить. Не пугайтесь, – успокоил ее я, но мое лицо выдало меня.

– Что-то случилось! – воскликнула девушка.

– Ваша кухня спускается вниз.

– Сюда? – она вздрогнула.

– Нет, в приемную.

– Я ничего не понимаю. Все так ужасно, а мне никто ничего не говорит.

– Я молю бога, чтобы и говорить было не о чем. Судя по вашей вере в кухню, так оно и будет. Утешьтесь этим, и будьте уверены: если произойдет что-нибудь, о чем вам следует знать, я сразу вас извещу.

Ободряюще взглянув на Мэри, я оставил ее, обессиленную, прислонившуюся к алым подушкам дивана, на котором она сидела, и вернулся к мистеру Грайсу. Мы едва успели войти в приемную, как появилась Элеонора Ливенворт. Она была еще более усталой, чем час назад, но держалась все так же надменно. Медленно приблизившись, девушка взглянула на меня, слегка склонив голову.

– Меня вызвал сюда, – сказала она, обращаясь исключительно к мистеру Грайсу, – человек, который, как я полагаю, ваш служащий. Если это так, прошу вас немедленно изложить свои намерения, ибо я совершенно без сил и крайне нуждаюсь в отдыхе.

– Мисс Ливенворт, – ответил мистер Грайс, потирая руки и глядя на дверную ручку с почти отеческим выражением, – мне чрезвычайно жаль вас беспокоить, но дело в том, что я хотел бы задать вам...

Но она прервала его:

– Что-нибудь относительно ключа, о котором тот человек, без сомнения, сообщил вам, будто видел, как я уронила его в золу?

– Да, мисс.

– Тогда я вынуждена отказаться отвечать на любые вопросы по этому поводу. Мне нечего сказать, кроме следующего, – и, бросив на него взгляд, исполненный страдания, но вместе с тем и своеобразной решимости, добавила: – если он сказал вам, что ключ был спрятан мною в золе камина, он говорил правду.

– И все-таки, мисс...

Но Элеонора уже направилась к двери.

– Прошу извинить меня, – сказала она. – Ни один довод, который вы могли бы привести, не изменит моего решения, потому любые попытки с вашей стороны были бы напрасной тратой сил.

И, бросив в мою сторону мимолетный взгляд – не лишенный мольбы, – девушка тихо вышла из комнаты. Некоторое время мистер Грайс стоял и с явным интересом глядя ей вслед, затем, отвесив почти чрезмерно почтительный поклон, поспешно последовал за ней. Я еще не успел оправиться от удивления, вызванного этим неожиданным поступком, как в коридоре послышались быстрые шаги, и Мэри, взволнованная и покрасневшая, появилась рядом со мной.

– Что это значит? – спросила она. – Что сказала Элеонора?

– Увы, – ответил я, – она ничего не сказала. В этом-то и беда, мисс Ливенворт. Ваша кухня хранит молчание касательно некоторых вопросов – молчание, которое невозможно выносить. Ей следовало бы понимать, что если она будет упрямиться, то...

– То что? – в голосе Мэри зазвучала гнетущая тревога.

– То она не сможет избежать тех бед, которые за этим последуют.

С минуту Мэри стояла, глядя на меня широко раскрытыми, полными ужаса и недоверия глазами, а затем, обессиленно опустившись в кресло, закрыла лицо руками и вскричала:

– О, зачем мы вообще родились! Зачем нам позволили жить! Почему мы не погибли вместе с теми, кто дал нам жизнь!

Перед таким отчаянием я не мог оставаться безучастным.

– Дорогая мисс Ливенворт, – начал я, – нет причины предаваться столь безнадежному чувству. Будущее мрачно, но не непреодолимо. Ваша кухня прислушается к доводам разума, и, объяснив...

Но Мэри, словно не слыша моих слов, вновь вскочила и предстала передо мной в почти угрожающей позе.

– Иные женщины на моем месте сошли бы с ума! С ума! С ума!

Я смотрел на нее с нарастающим изумлением. Мне казалось, я понимал, что эта девушка имела в виду. Она осознавала, что дала сигнал, который вызвал подозрения в отношении ее кухни, и что, таким образом, неприятности, нависшие над их головами, были созданы ее собственными руками. Я попытался ее успокоить, но все мои старания оказались тщетными. Поглощенная своим горем, Мэри почти не обращала на меня внимания. Убедившись наконец, что больше ничем не могу ей помочь, я собрался уйти. Это движение словно привело ее в чувство.

– Мне жаль уходить, – сказал я, – не сумев принести вам хоть какое-то утешение. Поверьте, я искренне хочу вам помочь. Не послать ли кого-нибудь к вам – какую-нибудь подругу или родственницу? Печально оставлять вас одну в этом доме в такой час.

– И вы полагаете, я останусь здесь? Да я умру! Здесь – сегодня ночью? – и она задрожала всем телом.

– В этом нет никакой необходимости, мисс Ливенворт, – раздался за нашими спинами мягкий голос.

Я, вздрогнув, обернулся. Мистер Грайс не просто стоял позади нас – он, по-видимому, был там уже некоторое время. Сидя у двери, с одной рукой в кармане, а другой поглаживая подлокотник кресла, он встретил наши взгляды кривой улыбкой, в которой одновременно читались и извинение за вмешательство, и уверенность в полной чистоте своих намерений.

– Все будет организовано должным образом, мисс. Вы можете уехать без всяких волнений.

Я ожидал, что девушка возмутится этим вмешательством, однако, напротив, в ее лице мелькнуло удовлетворение при виде сыщика.

Отведя меня в сторону, Мэри прошептала:

– Вы считаете этого мистера Грайса очень способным, не правда ли?

– Что ж, – осторожно ответил я, – он должен быть таковым, занимая подобное положение. Очевидно, власти оказывают ему большое доверие.

Так же внезапно отступив от меня, как и приблизившись, она пересекла комнату и остановилась перед мистером Грайсом.

– Сударь, – сказала она, глядя на него умоляющим взором, – я слышала, что вы обладаете выдающимися способностями, что вы умеете выискивать истинного преступника среди десятков подозрительных лиц и что ничто не ускользает от пронизательности вашего взгляда. Если это так, жальтесь над двумя сиротами, внезапно лишившимися своего опекуна и защитника, и примените ваше признанное мастерство, чтобы найти того, кто совершил это преступление. Было бы глупо с моей стороны скрывать от вас, что показания моей кухни дали повод к подозрениям, но я заявляю здесь, что она столь же невиновна, как и я сама. Прося вас искать другого виновного, я лишь стараюсь направить правосудие на след истинного преступника.

Девушка сделала паузу и протянула к нему обе руки.

– Это должен быть какой-нибудь заурядный вор или отчаянный негодяй, неужели вы не в состоянии предать его суду?

Попа мисс Ливенворт была столь трогательной, весь ее облик – столь искренним и умоляющим, что я заметил, как лицо мистера Грайса наполнилось сдержанным волнением, хотя взгляд его ни на миг не отрывался от кофейника.

– Вы должны узнать – вы можете! – продолжала она. – Ханна – та девушка, что исчезла, – должна знать все. Разыщите ее, переверните весь город, сделайте что угодно, все мое состояние в вашем распоряжении. Я назначу щедрое вознаграждение за поимку грабителя, совершившего это злодеяние!

Мистер Грайс медленно поднялся.

– Мисс Ливенворт, – начал следователь и тут же умолк – он был по-настоящему взволнован. – Мисс Ливенворт, мне не требовалось столь трогательное обращение, чтобы побудить меня исполнить мой долг в этом деле до конца. Личной и профессиональной гордости было бы вполне достаточно. Но раз вы почтили меня столь откровенным выражением ваших желаний, я не стану скрывать, что с этого часа проявлю к делу особый, усиленный интерес. Все, что в силах смертного человека, я сделаю, и, если через месяц от с сегодняшнего дня я не явлюсь к вам за наградой, значит, Эбenezер Грайс – не тот человек, за кого я всегда себя принимал.

– А Элеонора?

– Мы не будем сейчас делать выводом, – мягко сказал следователь, помахав рукой.

Через несколько минут я покинул дом вместе с мисс Ливенворт, которая выразила желание, чтобы я сопровождал ее к дому подруги, миссис Гилберт, у которой та решила найти приют. Когда мы ехали по улице в экипаже, который мистер Грайс любезно распорядился

для нас предоставить, я заметил, как моя спутница бросила назад взгляд, полный сожаления, словно не могла не испытывать угрызений совести, покидая свою кухню. Но это выражение вскоре сменилось настороженным взглядом человека, который боится внезапно увидеть знакомое лицо, возникшее неизвестно откуда. Оглядывая улицу, украдкой заглядывая в дверные проемы, вздрагивая и содрогаясь при внезапном появлении любой фигуры на тротуаре, Мэри, казалось, не могла свободно вздохнуть, пока мы не свернули с авеню на Тридцать седьмую улицу. Тогда вдруг ее обычный цвет лица вернулся, и, слегка наклонившись ко мне, она спросила, нет ли у меня карандаша и клочка бумаги. К счастью, и то и другое у меня оказалось. Передав их ей, я с некоторым любопытством наблюдал, как девушка пишет, и, удивляясь, как могла она выбрать для этого столь неподходящее время и место.

– Я хочу отправить небольшую записку, – пояснила Мэри, с сомнением взглянув на почти неразборчивые каракули. – Не могли бы вы на минуту остановить экипаж, чтобы я подписала адрес?

Я так и сделал, и в следующее мгновение листок, который я вырвал из своей записной книжки, был сложен, надписан и скреплен печатью, которую она достала из своей записной книжки.

– Какое-то безумное на вид послание, – пробормотала она, кладя его адресом вниз себе на колени.

– Почему бы вам тогда не подождать, пока вы не прибудете по назначению, где вы могли бы спокойно запечатать и подписать его как следует? – заметил я.

– Потому что я спешу. Я хочу отправить его сейчас. Смотрите, на углу почтовый ящик, пожалуйста, попросите кучера остановиться еще раз.

– Не отнести ли его мне за вас? – спросил я, протягивая руку.

Но девушка покачала головой и, не дожидаясь моей помощи, сама распахнула дверцу со своей стороны экипажа и соскочила на мостовую. Даже тогда она остановилась, чтобы окинуть взглядом улицу, прежде чем отважиться опустить в почтовый ящик наспех написанное письмо. Зато, едва оно исчезло, лицо Мэри озарилось надеждой, которую я до сих пор не замечал в ее облике. А когда несколько минут спустя она просталась со мной у дома своей подруги, то почти с веселым видом протянула мне руку и попросила навестить ее на следующий день и сообщить, как продвигается следствие. Я не стану скрывать от вас, что весь этот долгий вечер провел, вновь и вновь перебирая показания, данные на дознании, стараясь согласовать все услышанное с любой иной теорией, кроме теории виновности Элеоноры. Взяв лист бумаги, я набросал основные основания для подозрений:

1. Ее недавняя ссора с дядей и явное охлаждение отношений между ними, о чем сообщил мистер Харвелл.

2. Таинственное исчезновение одной из служанок дома.

3. Резкое обвинение, выдвинутое ее кузиной, правда, услышанное лишь мистером Грайсом и мною.

4. Ее уклончивость в объяснениях относительно носового платка, найденного на месте трагедии и запачканного пороховой копотью.

5. Ее отказ говорить о бумаге, которую, как предполагалось, она взяла со стола мистера Ливенворта сразу после перемещения тела.

6. Обнаружение библиотечного ключа при Элеоноре.

– Мрачный перечень, – невольно подытожил я, перечитывая его, однако тут же начал делать на обороте листа следующие пояснительные заметки:

1. Разногласия и даже отчуждение между родственниками – обычное дело. Случаи, когда такие разногласия и отчуждение приводили к преступлениям, редки.

2. Исчезновение Ханны не дает сделать какой-то определенный вывод.

3. Если личное обвинение Мэри в адрес своей кузины было убедительным, то и ее публичное заявление о том, что она не знала и не подозревала, кто может быть преступником, было не менее убедительным. Конечно, первое высказывание имело то преимущество, что было произнесено спонтанно, но верно и то, что оно было произнесено в состоянии волнения, без предвидения последствий и, возможно, без должного учета фактов.

4–5. Невинный человек, находясь под властью страха, нередко уклоняется в ответах на вопросы, которые, как ему кажется, могут его скомпрометировать.

Но ключ! Что я мог сказать о нем? Ничего. С этим ключом и без какого-либо объяснения причин Элеонора Ливенворт вызывала подозрительность, которую даже я был вынужден признать. Дойдя до этого пункта, я сунул листок в карман и взял вечерний выпуск газеты «Экспресс». Я тут же прочел несколько примечательных строк:

«Шокирующее убийство...»

«Мистер Ливенворт, известный миллионер, найден мертвым в своей комнате...»

«Никаких улик, ведущих к исполнителю преступления...»

«Ужасное злодеяние, совершенное из пистолета – необычные обстоятельства дела...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.